

Г. И. Юдинцева

Самые счастливые дни

Г. И. Юдинцева

Самые счастливые дни

2014

Память о превознесённых Божьих делах для всех соблюдающих Его заповеди и веру в Иисуса Христа открывает новый горизонт веры и надежды: «Бог высок могуществом Своим... Помни о том, чтобы превозносить дела Его, которые люди видят» (Иов. 36, 22–24). Даже если узаконенное беззаконие снова и снова возникает в истории, если зло предстаёт во всё новых изощрённых формах, а люди не только не противятся ему, но даже не хотят замечать его, — память о высоком могуществе Господа создаёт преграду злу. Свидетельство о Распятом и Воскресшем низвергает носителя козней, клеветующего пред Богом день и ночь, и возвещает спасение, и силу и царство Бога нашего и власть Христа Его (Откр. 12, 10–11). Этой цели и посвящена данная книга.

Г. И. Юдинцева
Самые счастливые дни

2014 г. Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

Дом в деревне

Наша большая семья (родители растили 10 детей) жила в Унженском лесном кордоне Горьковской области. Отец работал объездчиком в лесном хозяйстве. Ему давали лошадь для наблюдения за довольно большим участком леса.

В избе, где мы располагались, одна комната и тесная кухонька с русской печью. Под потолком, между печью и противоположной стеной, — полати — дощатый настил. На нём мы спали. Всегда тепло, удобно, уютно.

Родители имели своё хозяйство. Сеяли лён, рожь, ячмень, овёс, горох. Выращивали картофель и необходимые овощи.

В трудные военные и послевоенные годы наша единственная комната превращалась в мастерскую. Зимой нарубим липу, занесём в избу. Когда кора оттаёт, надерём лыко и плетём деревенские красивые лапти на любой размер.

Наш дом в лесу был на два хозяина
(во второй половине жил лесничий с семьёй).

На крыше — огромные цифры 187 — номер лесного квартала.
В случае возгорания леса пожарный самолёт сбрасывал сюда пакет
с тревожным сообщением.

Наша дружная большая семья (не все ещё в сборе). 1953 г.

Из бересты делали вёдра — так называемые бурáки с деревянным дном и крышкой. В них носили воду.

Отец — на фронте. Нужда. А жить-то нужно...

Воспоминания о далёком детстве

Родители венчались в православной церкви. Осознанно обратились к Богу в зрелом возрасте.

В детстве однажды я с родителями была на собрании. До села Тоншаево доехали на лошади (20 км). Потом километров пять шли пешком до деревни Зотово. О чём проповедовали, не запомнила. Но атмосфера особого молитвенного благоговения запечатлелась на всю жизнь. Время было смутное, напряжённое — 40-е годы прошлого столетия. Тогда многие верные христиане прошли через аресты и суды, через долгие годы

развороченной жизни. Пока шло собрание, у дверей ставили мальчика предупредить: не идёт ли какой незнакомый.

Старшие дети помнят, как мама, погруженная в бесконечные домашние хлопоты, постоянно пела христианские песни. А папа, помимо своей работы, каждое утро, особенно в воскресенье, собирал семью на молитву и читал Слово Божье. Одно из таких воскресений запечатлелось неизгладимо: все дети сидят за столом, а отец читает Библию.

Старший брат Василий покался дома и после окончания восьмилетки уехал в город Горький (сейчас Нижний Новгород). Поступил в машиностроительный техникум и познакомился с верующей семьёй Гусевых.

Марья Лаврентьевна Гусева, вдова, растила, как помню, семерых детей одна. Её мужа, христианина, в войну расстреляли как невзявшего оружие. Живя в лихую военную пору в соседней с нами деревне, она бедовала вместе с нашей большой семьёй, а потом переехала в Горький. Там её и разыскал повзрослевший Василий. Сблизился с ними, посещал богослужения и вскоре принял крещение.

В 1956 году я приехала к нему. Он сводил меня в кино, хотел выявить таким образом моё не совсем устоявшееся, как ему казалось, отношение к этой кромешной мгле современного мира:

— Понравилось? — спросил совсем просто, но испытывающе.

— Так себе. Ничего хорошего...

Зарегистрированная церковь

А в воскресенье он пригласил меня на богослужение. Горьковская зарегистрированная община, включая периферийные группы, насчитывала тогда 800 членов. Зал молитвенного дома в ходе служения буквально набивался битком. Люди плотно стояли и внизу, и на балконе. Сидели только верующие старшего поколения. Мы чуть опоздали и уже не смогли войти внутрь. Пришлось два часа стоять в тамбуре.

Мне не было и 19. Несмотря на тесноту, сознание, что нахожусь среди святых, успокаивало дух. А когда запел хор, я не чувствовала под собой земли — такой восторг наполнил душу. «Отсюда я не уйду. Моё место здесь навсегда!» — приняла радостное решение. Меня не нужно было звать в дом Божий, я не пропускала ни одного собрания не только воскресного, но и будничного.

Наставления из Слова Божьего тревожили совесть. Внутри шла борьба: я же грешница... Кто снимет с меня это страшное бремя?

О покаянии тогда не проповедовали. Пока посещала богослужения, никто не каялся. (Позже я узнала, что во всех зарегистрированных общинах гласные покаяния, да ещё со слезами сокрушения, не практиковались. Вернее, запрещались, как нарушающие благоговейный ход служения. Кто осмеливался каяться в собрании, того заглушали пением. В те годы безбожия шла откровенная борьба за искоренение веры в Бога.)

Несмелое сердце

Расскажу короткое свидетельство знакомого брата о его покаянии: «Шло богослужение. Друзья вышли, каются, и я к ним присоединился. Всех поздравили, и мне памятную открытку подарили. А подлинное покаяние пришло ко мне позже. Я был дома один, и Господь со мной. От сознания обречённости глаза потонули в безутешных слезах и мольба о милости прощения вознеслась к небесам. Но за настоящее покаяние мне никто не подарил открытку».

Примерно в таком же состоянии находилась и я. По природе стеснительная и даже робкая, я боялась открыть уста. Господь видел моё несмелое сердце и Сам вышел навстречу. Сам заглянул в мою душу, и от одного Его взгляда сердце озарилось небесным светом. В тот момент я готова была обнять весь мир. Это была незабываемая восторженная встреча души и пробуждённой совести с моим личным Спасителем Иисусом

Христом. У меня появилась большая любовь к Богу. Живой, вечносуший, человеколюбивый Создатель покори́л моё сердце. Только тот, кто лично получил рождение от Бога, поймёт мою радость.

В порыве искренней благодарности я посвятила Богу на Его святое дело всё: мысли, желания, силы, время, здоровье. Даже молодому человеку, сделавшему предложение, отказала: «Моё сердце без остатка отдано Христу. Никому другому в нём нет места».

Ко мне не раз подходили друзья, да и родной брат, с неотступным вопросом: «Когда будешь принимать крещение?» «Только не сегодня», — отвечала всем. Они считали меня достойной, а меня мучило собственное несовершенство. Понимала: ведь я Богу буду давать обещание, перед Ним стоять буду...

Не случайно в Евангелии Ангелы успокоили встревоженных пастухов: «Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость!» Ангел Гавриил ободрил Марию: «Не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога». В ободрении нуждалась и я. Стеснительность, замкнутость, неразговорчивость связывали меня, как ременные путы, сковывали, как кандалы, лишая свободы духа. Когда же Сам Господь посетил сердце, я почувствовала простор, цепи рабства разорвались, страх куда-то исчез.

Закончилось собрание, я подошла к сестре (она постоянно побуждала меня заключить завет с Господом). Сердце ликovalo, внутри всё пело от счастья: «Сестра Дуся, сходите в братскую комнату за заявлением, я хочу принять крещение». (В те годы в зарегистрированных общинах был такой порядок.) Она не пошла, а побежала.

Молодёжь, желающую принять крещение, и тех, кто учится, пресвитер не включал в список, который относил для согласования уполномоченному, потому что знал: всё равно вычеркнет. И меня, по-видимому, пресвитер не внёс в список. Так 7 июля 1957 года, когда мне исполнилось 19 лет, вступив в завет с Господом, я стала членом церкви.

Посещение Господом моего сердца — незабываемое событие. Радостью светились глаза, хотя я об этом не знала. Пришла за инструментом в кладовую (я работала на заводе), а кладовщица, подняв руку на уровне моих глаз, попросила: «Убери, пожалуйста, свои сверкающие глаза! Я на них не могу смотреть!» Господь присутствовал в моём сердце, и отпечаток внутренней радости заметили даже неверующие.

В тёмные дни испытаний, а их было много, как сказал Екклесиаст, я унывала, но память возвращала к тому счастливому дню, когда Дух Святой наполнил душу впервые. Дивный Спаситель стал для меня путеводной звездой.

Молодёжная жизнь

При старом пресвитере Горьковской зарегистрированной общины дети ещё присутствовали на богослужениях, но когда его оклеветали и сняли со служения, тогда присланный из Воронежа старший пресвитер Булгаков Г. Т. запретил приводить детей на собрание. С тех пор их не было.

Враг душ человеческих навевал преступные мысли так называемым пастырям и они боялись пасти агнцев, потому не одно поколение детей осталось вне спасения.

Кроме того Булгаков через антиевангельские документы ВСЕХБ «Положение» и «Инструктивное письмо» стал вводить в жизнь церкви греховные порядки.

Сердце подсказывало: это чужой человек. Верующие возмущались. Об этом стало известно в Москве. В поддержку Булгакова приехали работники ВСЕХБ: Я. И. Жидков и А. Н. Карпов. Переполненный молитвенный зал не вместил желающих. Слушали у открытых окон, стоя на улице. А в их проповедях звучали те же богопротивные советы: молодёжь не должна отставать от культурной жизни страны...

Молодёжи в Горьковской церкви счёт шёл на единицы, всего человек десять. Такими небольшими силами, но большим

усердием мы за короткий промежуток времени построили восемь домов (!) для нуждающихся семей. Строили вечерами после работы на производстве. Выносили горы мусора, чистили старые кирпичи — никакой работы не боялись.

В послевоенные годы бедность и нужда поселялись почти в каждом доме. Вечерами мы разрезали на мелкие кусочки ветошь для подушек, из лоскутов шили одеяла, матрасы — это была осязаемая помощь многодетным.

Молодёжный руководитель в церкви — не именовался, а мы собирались, молились. Больше, конечно, пели. Сколько есть переписанных гимнов, все перепоем и расходимся.

Рассуждали о Слове Божьем, хотя книг Священного Писания, можно сказать, не было, потому и сказывалась скудость духовного роста молодёжи. А как хотелось в те годы почитать назидательную литературу! Современной молодёжи не знакома эта неутолимая святая жажда!

Не подражать миру!

Зарплата минимально низкая, а молодёжи нужно не только питаться, но и одеваться. Из личного опыта скажу: придёшь в магазин — что приобрести? Преобладает облегаемый покрой, который пользуется спросом в мире, — значит, не моё. Полагаясь на внутреннее побуждение (его изменить, им пренебречь невозможно), искала тот фасон, какой приличен святым. «Да будет украшением вашим... не нарядность в одежде» (1 Петр. 3, 3). Нарядность — это пышность, убранство напоказ, обращающее на себя внимание. Нет, к этому стремится мир. Подражать ему не буду.

Что меня удерживало, не знаю. Тонкого воспитания я не получила. Уехала из деревни в чужой шумный город. Живу одна, сама себе хозяйка. Кажется, живи как хочешь, никто тебе не указ. Но нет! И принимала бесповоротное решение: не приобрету вещи непотребной, за которую будет судить совесть, а что-то попроще, без украшений. Такой был дух у нашей молодёжи в конце 50-х годов прошлого века.

Испытания не обошли стороной

Мне было известно: тех, кто принял крещение молодым, непременно вызывали на беседу сотрудники КГБ, чтобы запугать или завербовать. Я ждала этой нежеланной встречи два года.

Наконец и мне пришла повестка. Кто и куда меня вызывал я знала. Зашла в кабинет. Дверь за мной сразу защёлкнулась. За столом сидели четыре сотрудника. Расспрашивали: как я стала верующей? Кто мои родители?

Знакомясь со мной, попутно осведомились, как церковь относится к новому служителю.

— Кто у вас пресвитер?

Не наученная и не наставленная, я назвала фамилию.

— Какой он?

— Нам его прислали.

Невинные вроде вопросы задавали, но в конце беседы предупредили: «Никому не говори, что мы с тобой встречались». Такого обещания не дала и как только пришла домой, сообщила обо всём Василию. Он объяснил, где я неправильно ответила. Больше меня не вызывали, видимо, не годилась в осведомители.

Начало пробуждения

Начиная с 40-х годов XX столетия, без особых усилий и пристального наблюдения можно было заметить упадок духовной жизни не только в нашей зарегистрированной общине. И способствовали этому, к великому сожалению, сдавшиеся миру служители. Верующие стенали, видя мерзость запустения, стоящую там, где не должно, и что бы ни предпринимали, ничего не помогало.

Узнала я, что в 1961 году к нам в Горький приезжал Геннадий Константинович Крючков и беседовал с моим братом Василием. По его восторженным отзывам я поняла: встреча была благословенной, а рассуждения — конкретные, дело-

вые. Геннадий Константинович приехал не сетовать на униженное состояние церкви, а получил от Бога откровение, как исправить сложившуюся ситуацию. Он ответственно излагал программу действий по выходу из духовного кризиса. Призыв пойти путём очищения и освящения был убедителен и вселял веру, что Бог вступится. Он живой. Велик могуществом и силен пробудить смиренных! Все, кто дорожил собственным спасением, понимали: нужно, отрешившись от всего, исполнить Божественную заповедь: пойти путём исповедания и очищения, и Он придёт в стан Своего народа и поведёт святых победным путём независимого от мира служения.

Многие верующие горько вздыхали от греховных ограничений в жизни церкви, а когда дело коснулось открытой поддержки святого пробуждения, из нашей официальной общины отделилось всего 10 человек, — как одиноки оказались мы! Но тех, кому эти призывы были по сердцу, не смутились и поступили решительно: на вечерю Господню ездили в незарегистрированную общину г. Семёнова. После этого всех отделившихся вычеркнули из церковных списков.

С каждым годом к нам примыкали новые души, кому дорог путь святости, путь независимой от мира внутрицерковной жизни. Ответственным в группе отделившихся избрали Василия.

В конце 50-х годов из 20-летней сибирской ссылки вернулся в Горький уважаемый старец — Иван Олимпович Рунов. Не сразу, но он всё же присоединился к отделившимся, чем весьма обрадовал всю группу. Он проповедовал, пел в хоре. Жизнь нашей маленькой общины заметно преобразилась. Торжество созидательного служения вытеснило прежние уныние и безысходность. Мы влились в благословенную жертвенную работу. Господь Духом Святым производил в нас угодные Ему желания. У нас появилась жажда трудиться на ниве Его, не жалея себя.

В 1963 году синей печатью (гектографом) стал издаваться духовно-назидательный журнал «Вестник спасения». Появился сборник христианских стихотворений «Радуга», но чтобы их почитать, нужно дожидаться очереди. Необычно новые, глубокие наставления Посланий и журнальных статей радовали дух.

Неповторимое событие

Призыв к святой жизни, отделению от мира дорог был живым христианам. Они по влечению сердца поддерживали начатое Господом движение за пробуждение церкви, ходатайствовали о проведении съезда.

Тогда в угоду сильным мира сего служители зарегистрированных церковей объявляли сторонников пробуждения противниками власти, отлучали и изгоняли из общин.

Гонители в свою очередь в спешном порядке издали карательные указы и судили таковых за тунеядство, хотя арестовывали их в основном на рабочем месте. И потянулись этапы невинно осуждённых на Север, в Сибирь. Число сирот росло с каждым днём.

В добавление ко всему богослужения отделившихся систематически разгонялись пьяными дружинниками и работниками милиции. Поскольку собрания отделённых проводились в частных домах, хозяев постоянно штрафовали, били окна, выламывали двери.

На многочисленные жалобы бесправных верующих из вышестоящих инстанций присылали стандартный ответ, что это якобы произвол местных властей. Гонения приняли массовый характер и поставили верующих перед необходимостью приехать, прийти лично и ходатайствовать перед теми, кто обладает действительной полнотой власти и централизованно руководит преследованиями христиан.

В мае 1966 года Василий кому доверял, тех пригласил поехать в Москву для участия в майской делегации. Из нашей семьи согласились трое: Василий, Володя, я, также моя под-

руга Фива Петрова, Иван Олимпович Рунов и два брата из города Семёнова.

Меня пригласили в делегацию — это же чудо! Кто я, что Господь даровал мне неповторимую возможность стоять плечом к плечу с Его искупленным гонимым народом, свидетельствуя сильным мира сего о своей бескомпромиссной вере и готовности страдать и умирать за любовь к Богу?!

Хорошо запомнила Батурина Николая Георгиевича: сидел на бордюре недалеко от входа в здание ЦК КПСС и сосредоточенно что-то писал. Серьёзный. Приятно было смотреть на его отрешённость и желание положить душу за великое дело Христа. Целый день делегация простояла у здания ЦК и никто из высокого начальства не пожелал принять и выслушать верующих.

Ночевала делегация в переулке. На асфальт расстелили газеты и, кто мог, спал.

На следующий день посланников церквей, молодых и старых, грузили и кидали, как дрова, в автобусы. Меня особенно не били, только рукав от плаща оторвали. В камеру Лефортовской тюрьмы попала с Евгенией Вильчинской — мужественная сестра, благопотребный сосуд.

Моя подруга вспоминала: «Мы как на экскурсию в тюрьму съездили. Отсидели трое суток, а большего не заслужили...» Она находилась в камере с сестрой из Сумгаита. Та горевала: «И масла тут нет, и колбаски не дадут...» Видимо, отправляясь в Москву, не рассчитывала на худшее. «Какая колбаска в тюрьме?» — удивлялась Фива.

С Господом всегда прекрасно!

После делегации меня уволили, хотя проработала на машиностроительном заводе 10 лет. Год не устраивалась, но время прошло не даром: ездила по деревенским группкам верующих нашего братства. Мандолина в руках, в сумке от руки переписанный сборник песен. Пела, молилась, ободряла

старушек. Они дадут мне три, пять рублей — на эти деньги добиралась в другие деревни.

И везде меня просили переплести сохранившиеся старинные высокие Библии, обложки которых пришли в негодность. Не могла я пройти мимо этой нужды, хотя не знала, как их привести в надлежащий вид. Разобрала Библию и стала учиться переплётному делу. Господь помог, неплохо получалось. Верующие остались довольны.

Добиралась иногда в селения, совершенно не зная дороги. В деревню Николай Дар написала письмо, чтобы встретили. Ночь. Большое поле. Страшно. Куда идти? Слышу отдалённый крик: зовут меня по имени! Встретились. Чудный Господь!

В такой незаметной, но доброй и нужной работе пролетел год.

Золотая комната

На квартире, где я жила, дом подлежал сносу. На этом месте 9-этажные дома решили строить. Хозяйка получила квартиру, а мне не давали, потому что не работала на производстве (некогда было устраиваться — не все книги переплела).

Пришла как-то домой, вижу, крышу уже ломают. Скорей в домоуправление, объяснила ситуацию. После этого дали смотровую, адрес и ключи. Объяснили: «Дом старинный. Ваша комната с балконом. Есть водопровод. Пищу будете готовить на электроплитке. Работает батарея центрального отопления. Тепло. Туалет в коридоре, общий на несколько квартир. Понравится, вселяйтесь, но только устройтесь на работу».

Пришла по адресу. Высота комнаты — три с половиной метра. Стены окрашены тёмно-зеленой краской. Мрачно, как в тюрьме. Я на колени: «Господи, неужели я тут буду жить?!» После молитвы буря внутри улеглась, я увидела всё другими глазами. Получила ордер, расписалась. Есть где жить, слава Богу!

Оклеила стены светлыми желтыми обоями. В четыре часа утра солнце как взшло и его яркие тёплые лучи че-

рез балкон осветили мою келью — золотая стала комната! А воздуху-то сколько! Дыши полной грудью. Чудный Господь! С Ним везде прекрасно!

Удобная работа

После этих событий я устроилась работать помощником начальника почтового вагона. В мои обязанности входило быть кочегаром, поваром, уборщицей, грузчиком и проводником. Девять суток — в рейсе и девять — дома. В свободное от работы время я с удовольствием распространяла духовную литературу по братству. Запоминала адреса и приметы и в основном ночью входила в конспиративные квартиры.

Исполняя это поручение, важно иметь внутреннюю готовность в любой момент быть арестованным. Также уметь ориентироваться в чужом городе (спрашивать у прохожих нужный адрес — опасно). Но самое главное — иметь чистое сердце, чтобы Господь слышал твои молитвы и отвечал. Для этого необходимо дать свободу Духу Святому. Христос ведь Начальник жизни, Он избавит от ошибок, и жалеть о прошедших в служении годах никогда не придётся.

«Господи, пригласи меня...»

Очень памятен для меня 1971 год, когда издательство «Христианин» направило в правительство заявление, что приступили к разработке офсетного метода печати и конструированию машин. Встретила эту весть со слезами радости. Молилась о тружениках. Мне очень дороги духовные книги.

В 1974 году братство опечалило скорбное «Срочное сообщение»: арестована печатная точка в Латвии. Плакала, посвящая себя Господу, и просила, чтобы Он позволил занять их место.

Живя в деревне, приходилось много работать, я была выносливая. «Господи, — молилась, — может, я пригожусь для работы в трудностях. Ты уж меня пригласи...» Но вскоре сму-

тился дух: кто меня найдёт в такой глуши? Кто пригласит? Труд печатников совершался втайне от любопытных глаз. А потом утешилась: я обо всём сказала Господу, Он доведёт дело до конца. И Он готовил меня к этому служению.

А началось всё с того, что в цехе, где работала, собрали всё руководство завода и цеха и приняли меня срамить: «Ты такая молодая и веришь в Бога?!»

Начальнику цеха, видимо, поручили меня перевоспитать. Он снисходительно предложил: «Слушай, и правда: что тебе среди старух молиться?! Иди в техникум учиться. Мы поможем поступить без конкурса. Выучишься, а потом и в религии разберёшься».

Мне хотелось учиться, я обрадовалась. Думаю: «Я вам потом докажу, что и учёные верят в Бога!» С таким задором пошла сдавать экзамены.

Начальник поинтересовался:

— Сдала?

— На троечку.

— Молодец! Больше и не надо!

И на ушко спросил: «Молишься?»

— Да.

— Молодец! Молись, молись! Об остальном ещё поговорим.

Три года проучилась в дизелестроительном техникуме по специальности «холодная обработка металлов резанием». И полюбила иметь дело с железками. Как мне пригодились эти знания в служении!

У Бога неисповедимые благословенные пути! Он так выстроил обстоятельства, что, несмотря на трудности того времени, произошла встреча с Юрием Константиновичем Крючковым, который в братстве разработал офсетный метод печати. Он трудился в доме моего брата, и я там была. Они обсуждали серьёзные дела. А потом гость ремонтировал свою электробритву. Я стояла рядом, смотрела и несмело посоветовала, как исправить поломку. Юрий Константинович понял, что я дала дельный совет.

Он несколько секунд помолчал, посмотрел на меня изуча-

юще и неожиданно произнёс слова, от которых взволновалась вся моя внутренность:

— Наверное, у тебя получится...

И стал откровенно говорить, что в издательстве «Христианин» большая нужда в тружениках, которые могли бы освоить механическую и электрическую части печатной машины.

— Ты хотела бы потрудиться? — спросил прямо, и губы добро улыбнулись.

Внутри вспыхнуло радостное напряжение, сердце затрепетало: «Господи, для Тебя нет ничего невозможного! Я смущалась: кто меня пригласит?! Ты исполнил сокровенное желание!» Восторгу не было границ, но я, не знаю почему, не подала виду, что торжествую.

Юрий Константинович принял моё согласие и решительно продолжил:

— Если ты согласна, сжигай все мосты, чтобы тебя ничто не держало. На это две недели сроку...

— Мне нужно из совхоза рассчитаться, переоформить дом. Не успею...

— Успеешь. Возьми адрес, — вырвал листок из блокнота. — Приедешь, нам такие труженики нужны!

Бог призывает нужных людей

С поспешностью, словно боясь опоздать на самый главный праздник в жизни, я справилась с неотложными делами и 25 февраля 1975 года переступила порог избышки в посёлке Первомайский Харьковской области.

Меня не удивили строгие, ранее совершенно неизвестные условия конспирации. Я не задала ни одного нескромного вопроса, потому что они не прозвучали в душе, хотя казались простыми и естественными. Например, почему в комнате 2х3,5 м плотно завешаны одеялами окна и двери?

Мне сказали от чего нужно воздерживаться, и я старалась выполнять всё неукоснительно.

«Разговаривать лучше в полголоса», — и я понижала голос до шёпота. Осторожно и бесшумно брала и клала не только инструменты, но и ложку, тихо ставила стакан.

Внимательно наблюдая за сестрой (она на то время проработала в конспирации 13 лет), я охотно копировала её действия. Училась без слов, как правильно вести себя и в работе, и во взаимоотношениях друг с другом.

Экстремальные условия

Водопровод в ту избушку никто не подводил, не говоря уже о сливной яме и туалете, — меня это не удручало. Для приготовления пищи — примус. О ванне — и речи быть не могло. Выходя на труд, я рассчитывала на тюрьму — какая там ванная комната? Какой свежий воздух?! Какое солнце?!

Принесённую воду согрела, налила в небольшой таз, стала одной ногой — и левый бок вымыт, а затем и правый, — вот и вся баня. Холодноовато. Здесь было у меня боевое крещение, как говорят.

Сменив воду, можно вымыть голову, — какая роскошь! И никаких выходов в баню. Зачем рисковать? Незнакомый человек в маленьком посёлке всегда обращает на себя внимание.

Экономя воду, можно постирать необходимое пусть не как дома, но и не как в тюрьме, где нашим узникам приходилось выстиранное бельё ещё сторожить, пока высохнет, иначе украдут и останешься ни с чем.

Всё-таки, как мало нужно человеку в экстремальных обстоятельствах! Никакого недовольства не возникало. А на кого сетовать?! Разве только на себя? Ведь не в спешке же давала согласие идти этим путём. Словом, настроение было нормальное. Главное — служение совершается: журнал «Вестник спасения» готовился к переходу на офсетную печать.

В комнате, предоставленной для труда, расположились три сестры, включая добродушную хозяйку, и два брата. Одна кровать с панцирной сеткой, на ней приходилось спать

иногда втроём. Тесновато. Братья, спали на матрасах на полу.

В один из дней в избушке затеяли уборку. Надо же пыль и под кроватью вытереть. Как глянули, а печатная машина, как после хорошего дождя, вся в крупных каплях конденсата! Вот это влажность! Движения воздуха нет. Срочно понадобилось поднять машину: иначе заржавеет и придёт в негодность.

На спинки кровати братья положили снятую межкомнатную дверь. Получилась двухъярусная кровать, только наверху стояла машина. Если не бодрствовать, ручка двери постоянно напоминала о себе, чтобы голову наклоняли ниже когда ложились спать и когда вставали.

Я приехала познакомиться с работой печатной машины. Смотрю, устанавливают фотоаппарат. Я оробела. Пояснили:

— Прежде чем текст будет нанесён на металлическую пластину (печатную форму), которая ставится на машину, его нужно сфотографировать, получить качественный негатив, позитив и так далее по порядку.

— Мне не приходилось иметь дело с фотоаппаратом. Получится ли?

— Не волнуйся, научишься.

— Что ж, раз пришла сюда, назад не сдаюсь.

И получилось! Господь дал нужное разумение. По милости Божьей тонкости фотопроцесса и изготовления печатных форм освоила со всеми подробностями. Позже, когда передавали на точку пластины и в тексте обнаруживалась ошибка, я знала как исправить, не возвращая пластину в лабораторию.

Таинственно и интересно

Трудностей у печатников более чем достаточно. Сарай, чердак, маленькие комнаты, кладовая, подвал — всё это не те помещения, где печатная машина работала бы без сбоев. Условия не отвечали даже самым минимальным требованиям: теснота невероятная, кислорода мало, влажность недопустимая для самой машины и печатных форм.

Когда необходимых условий нет — в помощь Господь всемогущий! Он научил управлять техникой, машину подстраивать под условия! Где-то подтянуть гайку, где-то ремень ослабить, увеличить время засветки на пластины, где-то химикатов добавить для лучшего задубления светочувствительного слоя.

На зарубежных печатных машинах — электроника. Они даже не включатся, если нормативные условия не соблюдены. Однако Господь вразумил и их адаптировать к подпольной жизни. Недаром говорят: «Русский мужик в лаптях, но с гениальной мыслью!» А если он ещё и христианин, то — вне конкуренции, потому что с ним премудрый Бог!

Всё очень интересно и таинственно в печати. Ушёл по зову Господа из дому — и ты уже подпольщик. Отодвинув плотное одеяло на входной двери, сделал шаг в комнату — и ты уже в подполье. Вчера ходил, не оглядываясь, а сегодня — на всё будешь обращать внимание, потому что благополучие дела Божьего — твоя первостепенная обязанность.

Из-за соглядатаев нельзя появиться в церкви, встретиться с родными и друзьями, если затосковал. Не споёшь во весь голос любимый псалом, хотя душа непрестанно беззвучно поёт проникновенные песни хвалы Богу, доверившему тебе, недостойной, такое служение! Не выйдешь на свежий воздух — и не унываешь, потому что заранее настроился на смрадный тюремный.

Самонаклад

Здесь, в пос. Первомайском, осенью 1975 года на старой печатной машине с медными красочными валиками, были отпечатаны бланки для регистрации («Братский листок», № 4, 1975 г.).

Для журнала нужна печатная машина с равнением листа по передней кромке. На точку приехал Юрий Константинович Крючков и приспособил для подачи бумаги наждачные шкурки. Они хорошо захватывали лист, но часто засаривались пылью. Листы пробуксовывали и шли в валы с опозданием. Но чаще всего шкурки захватывали не по одному листу.

Затем Юрий Константинович ставил на подачу бумаги обыкновенные школьные резинки-стёрки. Иван Петрович Плетт сконструировал техническое приспособление для резинок. Они отлично подавали бумагу. Но радость была недолгой: резинки засалились и лист отставал. Пришлось вернуться к наждачным шкуркам.

Самонаклад так и оставался самым узким местом в наших двухсторонних печатных машинах. Мы же покупали не спецбумагу в рулонах, где о ярлыках речи нет, а обыкновенный ширпотреб, который продавали в канцелярских магазинах в основном по одной пачке в руки. В такие пачки непременно вкладывали ярлык (бумажный квадратик размером 4х5 см), где указывался номер упаковщика. Перед началом работы каждую пачку бумаги пролистывали с двух концов, чтобы удалить вкладыши, мусор, повреждённые

Самый надёжный самонаклад — ручной!
Лист подать нужно меньше, чем за секунду

или неполные листы, но увы, ярлыки всё же оставались.

Кроме того, бумагу в пачках обрезают и от давления она по линии среза слипается, её нужно расслоить.

Стоишь у стапеля, кончиками пальцев коснёшься губки с глицерином, чтобы легче отделять каждый лист. И вдруг — ярлык! Пока ты его рукой возьмёшь, весь рабочий цикл собьёшь. Дунул — фу-у, и он слетел. А там, смотришь, — пол-листа идёт. Тут же рукой смахиваешь его в сторону, но чистый лист бумаги всё равно нужно успеть подать в валы. При пропуске листа текст перепечатывается на офсетную резину и в брак пойдут 9 листов.

Очень интересная работа

Останавливаться во время подачи бумаги нельзя. При малейшем сбое нужно мгновенно выключить печатную машину. Если лист бумаги залип на офсетной резине, он по цепочке уйдёт в красочный аппарат и его там размотает и расслоит на все валики так, что они все станут лохматыми от мелких клочков бумаги. Их придётся тщательно отмывать скипидаром. Оставшиеся ворсинки бумаги — марашки так называемые — если не убрать, перейдут на форму. Начнёшь печатать, с формы марашки перейдут на лист. Если такая марашка сядет на фотографии на глаз — вместо него на лице ляпка будет, попадёт на текст — букву закроет, на ноту — нота не пропечатается. Все листы с марашками пойдут в брак. Итак, пока накатаешь на стекле краску, пока раскатаешь по всем валикам, пока отпечатаешь чистый пробный оттиск, — уйдёт много времени.

Наши машины пропечатывают 70 листов в минуту (лист проходит меньше, чем за секунду). Пробовали скорость увеличить (75 листов в минуту), — утомительно. Если бы мусор не мешал, можно пропечатывать быстрее.

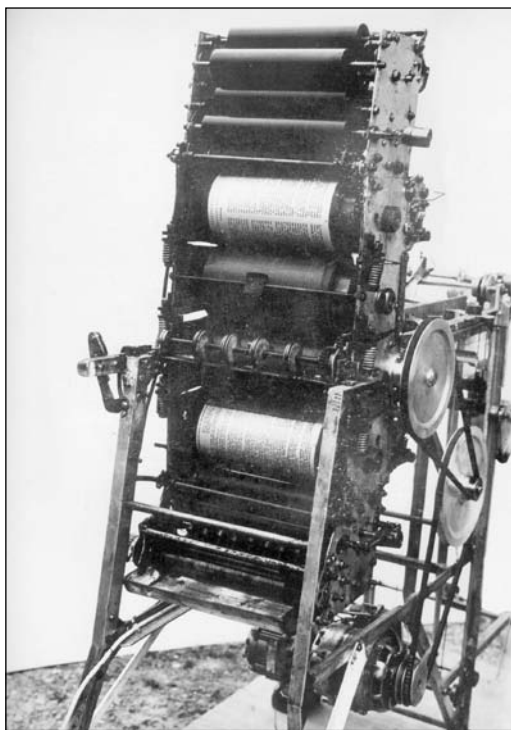
К выровненному и вертикально сложенному стапелю бумаги поставили небольшой моторчик, чтобы при печати он поднимал стапель на толщину одного листа. Моторчик оказался

неисправный, то работает, то нет. А когда он стоит, стапель не поднимается и лист идёт без припуска на обрезку, то есть у верхней кромки листа поля почти нет. Брат, стоящий у печатной машины, кричит: «Поля нет!» Значит, нужно срочно стапель поднимать! А там — храповик, на нём — защёлка. Она с зубчика на зубчик должна перескакивать и поднимать стапель. Но вот беда: бумага-то у нас разной толщины, поэтому зубчики храповика рассчитаны приблизительно.

Храповик расположен у ног стоящего на подаче бумаги. Пока идут листы одной толщины, он срабатывает точно. Как только попалась пачка с листами разной толщины, нужно одновременно снять защёлку, тут же ручку храповика толкнуть ногой, а руками вовремя лист подать. Да и толкать-то ногой нужно с умом. Сильно толкнёшь, захватит много листов.

Бывало, шли в валы много листов, машину необходимо срочно остановить. Нужно было предупредить: «Пропуск!», а я, забыв о конспирации, кричала: «Караул!»

«У тебя же под рукой рычаг "стоп" — это твой "караул", что же ты кричишь?» — успокоил брат-печатник. И правда, рядом — рычажок, дотянуться до него мизинцем лег-

Офсетная машина с двухсторонней
пропечаткой листа

ко. Нажать, и машина вмиг остановится, а я растерялась.

Очень интересная работа! Служение в издательстве — самое замечательное время в моей жизни, хотя опасностей и страхов много.

Он сделал, что мог

*«Всякий из вас мудрый сердцем пусть придёт
и сделает все, что повелел Господь» (Исх. 35, 10).*

Брат-печатник (его временно пригласили специально для технической работы по выпуску журнала офсетной печатью) — неплохой учитель. После его тщательных, доступных объяснений легко научиться даже сложным вещам. Он прежде сам основательно всё исследует, убедится в верности своих предположений, а потом на отрицательных и положительных примерах докажет, что нужно делать именно так. Ему приходилось много говорить, но он не тяготился этим. Важно дело продвинуть вперёд.

Он предложил заменить тяжёлые медные красочные валики — пластмассовыми. Они хорошо принимают краску. Сделал форму, залил расплавленную пластмассу, но не учёл, что при реакции выделяется газ, а выхода ему нет. Нужно было не ось, а трубку вставить внутри. Валики получились на поверхности пузырчатые. В магазине «Медтехника» он купил спецматериал для пломбирования зубов. «Запломбировал» пузырьки, зачистил по радиусу — получились отличные валики! Опробовал на машине — краску подают замечательно! К тому же — в три раза легче медных, что немаловажно при транспортировке, если учесть, что печатную машину нередко переносили сёстры.

Брат-печатник своеобразный по характеру, но Господь посылал ему мудрость

Александр
Пилин

усовершенствовать многие узлы печатной машины. Бывало, Господь посетит его новым откровением, не дожждётся утра. Чуть забрезжит рассвет, кто-то проснулся, он радуется: «Знаете, Бог послал оригинальную мысль, надо осуществить!».

Если в машине найдёт какие-то неполадки, не успокоится, пока не устранил.

Он усовершенствовал красочный аппарат. Сделал корытце для краски. Перекидной валик опустится в корытце, захватит краску и перекинет её на один из красочных валиков, а тот уже быстро передаст по всем другим валам.

На изготовление печатных форм (пластин) очень влияет влажность воздуха. Наши труженики в основном работали в закрытых помещениях, иногда не зная даже, какая погода на улице. Дождь прошёл, влажность повысилась. Значит, светочувствительный слой на пластине набух. Чтобы его задубить, нужно время экспонирования и проявления пластин увеличить, иначе пластины пойдут в брак.

Брат-печатник вычитал в справочнике, что влажность при работе с пластинами должна быть строго определённой. Господь навстречу его поискам послал нужный прибор: психрометр, который показывает одновременно атмосферное давление, относительную влажность воздуха и температуру в помещении. Он рассказал об этом Виталию Пидченко и тот закупил этих приборов сразу штук 10 — на все лабораторные точки издательства — и брак прекратился.

Из Германии передали только лезвие для обрезающего ножа. Он сконструировал остальные узлы, сделал рычаги, и ножом пользовались для обрезки журналов, книг. Спрятали его в глубокой щели старой русской печи в доме сестёр в поселке Крупн Псковской области, где работали. Нож и при обыске не обнаружили.

По специальности брат-печатник — электрик. Всё, что можно перевести в печатной машине с механической подачи на электрическую, он сделал с большим удовольствием.

Удивительная согласованность царила между сотрудниками, с которыми он работал. Им всегда хотелось поддержать

его инициативу по улучшению работы машины. Помогали всем, чем могли.

«Это было прекрасное, незабываемое время труда для славы Божьей! Самые счастливые дни! Мы чувствовали, что находимся в едином Теле — в Церкви Иисуса Христа», — вспоминали они.

Помощники всё делали молча, с любовью. Разложат удобно инструменты — всё под рукой. Без лишних слов наблюдали за ходом работы: нужна отвёртка — тут же подадут её; понадобятся пассатижи — они без задержки лягут мастеру на ладонь. Такая услужливость умиляла сердце. Бесшумно каждый готов послужить ближнему. Это очень ценно. Каждый утверждался на прочном фундаменте жертвенной любви, на готовности положить душу за ближнего.

Иногда условия для работы и жизни складывались сверхтрудные, но Дух Господень, Его благодать всё направляла к созиданию, к распространению Царства Божьего на земле через святое печатное слово».

Памятное богослужение

В мае 1975 года Михаил Сергеевич Кривко попросил меня встретиться с Евгением Никифоровичем Пушковым и от имени братьев пригласить его переехать на Украину для служения.

Перед этим я два месяца пробыла в закрытом помещении и вот вышла на улицу... На деревьях распускались первые, нежно пахнущие весной, листочки. Какое смелое торжество жизни! Войдя в вагон поезда, села к окну и, не отрываясь, наслаждалась неудержимым буйством красок. Воистину «всё прекрасное во Вселенной — это видимые ризы невидимого Бога!» Как Он величествен в Своём творении!

Прибыла в Челябинск. Встретилась с Пушковым. Изложила просьбу Михаила Сергеевича.

«Ответа не дам, если в собрание не пойдёшь», — услышала категоричный ответ. Наверное, он меня проверял.

Мне в собрание идти нельзя из соображений конспирации, я же остаюсь на труде... Попыталась говорить намёками в надежде, что поймёт:

«Я спешу и мне не следует появляться в собрании...»

На миг показалось, что он догадался. Однако, нет.

«Ты сядешь там, где у нас сидят атеисты, когда приходят на собрание. На последней скамеечке сзади хора...» — уточнил.

Вот незадача! Выходит, я должна вести себя, как неверующая? Всё собрание склонится на молитву, а мне что делать? Сидеть?! Не могла я так поступить и вставала. Зазвучали аккорды знакомого гимна... Пение само вырывалось из сердца. Сидя на той атеистической скамейке, я не могла молчать и, конечно, стала объектом всеобщего внимания.

Собрание закончилось, меня дружно окружили: «Сестра, приветствуем! К кому приехала? Откуда? Насколько?» Ни на один вопрос я не могла дать прямой ответ. Говорю: «Живу не дома». — «Почему?» — следующий трудный вопрос. Сказать: «нахожусь на труде», прозвучит очередной тупиковый вопрос: «На каком?» Ответишь по существу — полностью выдашь и себя, и дело Божье, что совершенно невозможно. После такой излишней откровенности доверят ли мне в дальнейшем служение?

Лида, родная сестра Евгения Никифоровича, привела меня на собрание. Прошу: «Скорее выведи меня...» Но это «скорее» растянулось надолго: на её попечении дети Евгения Никифоровича. Пока она их собрала, меня без конца расспрашивали. На всю жизнь запомнила это богослужение.

Основательная облава

(пос. Первомайский, Харьковской обл.)

У нас закончились деньги, а у брата, ответственного за нашу печатную точку, как раз намечалась встреча с Дмитрием Васильевичем Миняковым в Валге. Он поехал, а оттуда вернулся со слезкой. Видимо, не заметил, хотя в это трудно было поверить: брат осторожный и осмотрительный.

Перед самым закрытием дверей электрички он успел буквально выскользнуть, и два незнакомых человека проделали то же. Брат сразу понял: ситуация аховая и пустился бежать. Оглянулся, они — за ним на той же скорости. Брат худощавый, бежал стремительно и легко. Дело решили секунды. Бог помог ему незаметно заскочить в нужный дом, а незнакомцы тоже заскочили, да только в следующий. Там — полное спокойствие и никаких признаков постороннего человека. Основательно провалив слежку, чекисты вынуждены были устроить полномасштабную облаву — не провалился же человек сквозь землю! На всех перекрёстках улиц выставили дружинников. Быстро и много подтянули на помощь своих людей. Проверяли все дома в округе.

Мы (Тамара Быстрова, Людмила Зайцева и я) зашли в этот дом с вечера, а брат, запыхавшись, вбежал рано утром. Днём стало ясно: окружение плотное. Чекисты встречали каждую электричку (об этом узнали позже), подъезжали на машине к станции. Пришла электричка из Харькова. Одни не выпускали из поля зрения прибывших, а другие ехали до следующей остановки, внимательно вглядываясь в лица пассажиров. Затем возвращались на прежнее место на машине — и так метались долго, встречая каждую электричку.

Мы вчетвером сидели в доме, как в ловушке. Хорошо, что хозяйка ушла. Смотрим, подошли четыре женщины в белых халатах, как врачи. Брат вышел на веранду. Через тюль ему всё видно, а «врачам» — ничего. Стучат.

«Стучи громче!» — приказала одна другой.

Мы не открывали.

«Не думайте, что хозяйки нет», — говорили они звучно, убеждённо, стараясь силой голоса уверить себя.

«Но и не факт, что она дома», — рассуждали мы.

«Смотри-ка, у них вторая калитка с выходом на поле!» — обнаружили.

Разве врачей интересует, какой калиткой и куда выходят хозяева?! Дело понятное: чекисты обложили местность со всех

Калитка
с выходом
в лес, на
неё так
надеялись
друзья

М. С. Кривко и с. Мария, хозяйка домика,
где 40 лет назад работали печатники

сторон. Мы так надеялись на эту калитку! За ней — поле, за полем — лес. Рассчитывали: стемнеет, проскользнём в эту дверцу в заборе и — в лес, а там — попробуй найди нас, за ветром в поле не угоняешься.

Кроме того, на ближайшем перекрёстке улиц в течение дня успели поставить столб, подвести электричество, повесить фонарь и с наступлением темноты включили. Теперь даже собака не пробежит незамеченной. К тому же один наблюдатель шёл к фонарю с одного конца улицы, а другой — с противоположного. Нервно покуривая, они шагали, как часовые у порохового склада.

Мы чувствовали себя обречённо. Михаил Сергеевич Кривко, узнав об этом, послал двух сестёр к хозяйке утешить нас, и обнадёжил: «Не переживайте, вас выведут».

Но когда мы увидели, что всё схвачено, нет ни одного уголка без наблюдателя, надежда на благополучный выход растаяла, как воск на огне. Даже на соседних улицах были выставлены посты.

Сестёр, пришедших на выручку (они зашли в хозяйский дом, а мы находились во флигеле, построенном на этом же участке),

Господь побудил молиться о дожде. И Бог услышал. Ночью на посёлок опустился такой ливень, что наши охранники вымокли до нитки. Дежурили долго, а дождь всё не стихал и пересилил их озлоблённость и гордыню. Они на какой-то момент исчезли, причём все, видимо, переодеться или просушить одежду.

Мы же были наготове: одетые в плащи легли на пол. У каждой с одной стороны стояла обувь, с другой — сумка. Как только раздался лёгкий стук, тут же открыли дверь и сёстры повели нас на электричку. Удивительно, никто за нами не увязался.

Брату принесли плащ, фуражку, сапоги. Вручили корзину: «Пойдешь в лес за грибами». Такая вот партизанская жизнь!

На благополучную квартиру, где предстояло встретиться, наш "грибник" пришёл раньше. Отсюда нас, накрытыми одеялами, вывезли за пределы области в кузове КамАЗа. Воистину «помощь наша — в имени Господа, сотворившего небо и землю» (Пс. 123, 8)!

Позже хозяева рассказывали: в тот день, когда чекисты оцепили посёлок, их сын поехал на работу в Харьков на машине. Почти впритирку ехали чекисты на мотоцикле и заглядывали в салон.

На местá своего неусыпного наблюдения наши сторожа возвратились в сухой одежде, но постояли недолго, сняли посты и удалились. По-видимому, поняли, что в доме нет тех, ради которых они проявили столько утомительного рвения.

Под прицельной слежкой

В 1976 году журнал «Вестник спасения» перешёл на типографский способ печати. Он уменьшился по формату (А5) и стал называться «Вестник истины», что более соответствовало его назначению. Когда нам передали долгожданные пластины, за неимением лучшего места, решили печатать в Псковской области в посёлке Крупп, где раньше производились лабораторные работы, печаталось Евангелие и другие христианские брошюры.

пос. Крупп Псковской области.
Дом Марии и Валентины Раевских, где работали печатники

Этот дом был под подозрением у властей, потому что друзья не завозили, а заносили туда: бумагу, громоздкое печатное оборудование, а также фотоаппарат, лампы дневного света для фотографирования текста и другие вещи. Чтобы не встречаться с жителями, приходилось пробираться лесом. Друзей могли видеть, и это было хуже, чем если бы они открыто шли по посёлку.

В доме жили две добрых сестры-христианки. Лето. Мы спали сначала на сеновале, потом в доме. Печатали в чулане (в кладовой). Тираж небольшой. После того, как труженики уехали и взяли с собой печатную машину, вывозил журналы на мотоцикле под слесжкой Николай Петрович Шоха. Не все экземпляры удалось сохранить, что-то пропало.

В посёлок Крупп мы приезжали не раз делать пластины. Родная неверующая сестра наших хозяек жила в этом же посёлке, но о том, что здесь находится печатная точка, не знала. Однажды она пришла встревоженная: «Иду к вам, а на

противоположной стороне дороги стоит неместный мужчина и смотрит под крышу вашего дома. Он осматривал и окна, и двери, но чаще крышу». Описала словесный портрет незнакомца, в чём одет, запомнила, что у него синяя сумка через плечо с надписью: «Спорт».

Недобрые вести. После этого одной из сестёр приснился сон: буря ревёт, а над домом, где мы находимся, зависла большая чёрная туча.

— Придётся уходить... — горький вздох брата поглотила встревоженная тишина. Мы обменялись безмолвным взглядом.

Это место устраивало и было очень по душе: хозяйки добрые, на всю зиму, в расчёте на нас, заготовили 80 банок огурцов. Дом — у Псковского озера. — Щедрая свобода! Никто рядом не живёт — простор! Не хотелось уходить.

— Может, ещё подождём? Тревога уляжется. Нам здесь так хорошо! — рассуждала я вслух.

Прошло немного времени, брат, проснувшись, рассказал: «Видел странный сон: мы печатаем. Ты сидишь за машиной (указал на меня), а ног у тебя нет...»

— Без ног ты никуда не уйдёшь. Так что, собирайся, пока ноги целы... Место это "засвеченное", — подытожил он тяжёлый вывод.

Между прочим, и на других печатных точках Господь предупреждал друзей об опасности через сон. Кто прислушивался, не пожалел.

С печалью увозили мы из гостеприимного дома лабораторное оборудование. Оставили только химикаты. Двух сестёр-тружениц попросили перебраться на другую квартиру и ждать сигнала, когда и куда возвращаться.

Брат-печатник ещё раньше собирался уходить домой. Его приглашали на труд временно. Я оставалась последней, и он посоветовал: «Убери все химикаты, чтобы, на случай обыска, в доме ничего подозрительного не обнаружили, а потом и сама уходи. Видно, здесь уже не работать».

В пятницу начала упаковывать химикаты, их собралось

довольно много. Где же надёжно спрятать? Бог умудрил: опустилась в подпол, он низкий. Гвозди (толстые и длинные, 120-ка, которыми прибиты доски пола), торчали острыми концами над головой. Пока ползком лазила, спуская пакеты, банки и склянки, не раз больно задевала их головой, спиной.

И всё же: где найти укромное место? Решила из обломков кирпичей (они валялись по всему подполью) выложить в углу стенку. Ставила химикаты на землю и постепенно наглухо заделывала их кирпичами и кирпичиками без раствора. Камешек к камешку, осколок к осколку. Если кто спустится, не поймёт: то ли давно так выложили, то ли сейчас. В общем, весь день замуровывала, подняв стену вплотную к потолку. Немного работы осталось на субботу.

Только поднялась из подпола, хозяйка зовёт: «Смотри, к дому идёт тот человек! И сумка у него синяя, и написано: "Спорт"». Мы стояли трое у трёх окон и наблюдали.

Он остановился на противоположной стороне дороги. Видно, о чём-то напряженно думал, и вдруг решительно направился к нашему дому.

«Валя, скорее скинь крючок на входной двери. Подозри-

Валентина Ильинична Раевская
(отошла в вечность).

На крыльце – Тамара Быстрова,
в дверях – Мария Ильинична
Раевская (сейчас ей 90 лет)

тельно в деревне среди бела дня сидеть запершись».

Она моментально осторожно сняла.

Перед домом — огороженный палисадник. Незнакомец перешёл дорогу, подошёл к нему и остановился как вкопанный. Я молилась: «Господи, у меня ведь там не всё спрятано. Дай мне ещё один день...»

Человек стоял, по всему виду, в какой-то нерешительности. «Наверное, Ангел встал перед ним и не допускал, войти», — промелькнула мысль. В такие моменты даже секунды кажутся часами: сколько он будет ещё стоять? И тут мужчина стремительно направился к крыльцу. Внешний мой человек, конечно, дрогнул, хотя сердце оставалось покойным.

Дошёл до крыльца. Оставалось сделать два шага по ступенькам и взяться за ручку входной двери, как вдруг, к нашей большой радости и благодарности Богу, он круто развернулся и быстрыми шагами стал удаляться. Бог явно не допустил его войти в дом. И наши молитвы тоже не допустили.

Спустилась я в подвал и закончила работу. Поднимаюсь, слышу звук открывающейся входной двери и на пороге выросли две наши ранее отправившиеся сестры.

— Мы устали ждать сигнала, — объяснили.

— Зря вы поспешили. Нам нужно срочно отсюда уходить. От двери недавно отошёл человек, который уже давно следит за домом. Мне одной легче было бы затеряться в народе, а теперь втроём... Может увязаться слежка.

(Позже мы узнали, что брат-печатник, когда уходил из этого дома, долго кружил, менял направление, пока избавился от слежки. Он ушёл один, к тому же с пустыми руками.)

Нам же хозяйюшки дали трехлитровую банку молока, яблок. С этими гостинцами утомительно было ходить, не зная, как освободиться от слежки. На автобусе поехали в Выру (Эстония). Городишко небольшой, незнакомый. Шли по улице втроём с молоком и яблоками, а мужчина, как тень, за нами. Повернули в другую улицу и опять шли, пока она не закончится.

Подожли к остановке, дождались автобуса, сели, немного проехали и снова шли пешком.

Мужчина, идя за нами, по-видимому, ничего не мог понять: никаких подозрительных вещей при нас нет, а мы мечтаем, как слепые котят.

Мы и сами обессилели, бесцельно бродя по городу. Опыта уходить от слежки не имели. Возможно, более сообразительные, продумают ситуацию и быстро сориентируются. У меня такой способности нет.

Опять воспользовались автобусом. Он остановился, а навстречу — другой. Мы мигом пересели в него, и следящий отстал.

В жизни каждого христианина есть ответственные моменты, когда нужно верно определить: ехать или нет, давать согласие или отказываться. Если в душе нет навыка послушания Богу, плоть неудержимо повлечёт на неверный путь, её ничем не убедишь и не свяжешь.

В непростом труде в издательстве нытики не нужны, а паникёры тем более. Непредвиденных обстоятельств — масса. Решение необходимо принять в считанные минуты и, если ты не умеешь уповать на Бога, если у тебя нет готовности быть арестованным, то будешь долго торговаться с плотью и принимать неверные решения.

Неудобный попутчик

В этом посёлке мы не раз попадали под слежку. В 1976 году осенью подъезжали сюда с братом-печатником в автобусе. Вошёл мужчина без вещей. Открыл перед водителем удостоверение. Ясно кто. Мы почувствовали себя неуютно. Созрел план избавиться от ненужного "попутчика". Внутренне помолились и на предпоследней остановке, буквально перед тем, как водитель закроет дверь, выскочили, а преследователь не успел. Автобус зашелестел шинами. Мы остались одни. Рядом поле и снопы «домиком», не как в наших краях, «цветочком». Спрятались в них, чтобы огля-

даться. Тихо. И пошли петлять по ночному лесу. Через одинаковый промежуток времени до нас доносился гул мотора. Определили, что одна и та же машина проезжает по трассе, возможно, в ожидании нас.

В Прибалтике люди живут хуторами, обособлено. Только приблизимся к хутору, собаки поднимают лай. Удаляемся. Сколько таких хуторов за ночь обошли?! Брат ориентировался в лесу, я едва за ним успевала. Выпала холодная ночная роса — вымокли до нитки.

Пришли к дому в глубокую ночь. Будить хозяев не решились. Как попасть в дом? Зашли со двора, где хлев. Протиснулись в него через маленькое оконце без стекла. Корова почуяв, вскочила, зафыркала. Хорошо, что на рога не взяла. Через хлев поднялись на сеновал. Одежда на нас насквозь мокрая. Переодеться не во что. Впотьмах нашли старый матрас.

«Ложись на солому и укройся матрасом, а я лягу под обтянутый плёнкой каркас парника, — всё-таки не на открытом воздухе», — предложил брат.

От усталости я уснула сразу.

Под утро он разбудил меня: «Спустись всё же вниз, я же замёрз. Принеси хотя что-нибудь сухое».

Мы совершенно не знали обстановку в доме: может, к ним гости приехали, может, внучка ночует. Спустилась я потихоньку с сеновала, чуть приоткрыла дверь. Не заскрипела. Послушала — тишина. Открыла шире — ни звука. Знала я, где они спят. Подошла — боюсь напугать. Прикоснулась пальчиком. Сестра пробудилась бесшумно, — привыкли к конспирации. Нашла в шкафу сухое бельё. Он переоделся. Слава Богу, мы даже не заболели — это чудо! И не заблудились в лесу ночью — это тоже чудо!

На пороховой бочке

В Нарве (Эстония) печатали журнал и другие книги в утеплённом сарае (туда подвели отопление). Пол устлали ватными одеялами, но, складывая листы, у сестёр мучительно мёрз-

ли ноги. Позже выяснилось: труба подтекала и под одеялами намерз порядочный слой льда. Но об этом узнали, когда закончили работу и убрали помещение.

На тираж заготовили хозяйственную бумагу — разную по размеру и цвету. Листы — розовые, синие, жёлтые, белые, красноватые, бледные — шесть видов. На сортировку понадобился не один месяц. Помещение тесное. Стопы бумаги высились вдоль всех стен от пола до потолка, иногда в два ряда, иногда больше. Ходили среди стоп, как по узким коридорчикам. Через время бумага подсохла и нагромождённые бумажные стены стали рассыпаться. Первый раз старались удержать кто плечом, кто руками, а кто-то нашёл доски, подставил для опоры. Всё равно не помогло. И второй раз ухнули все ряды бумаги, — снова пришлось сортировать буквально на пятачке свободного места.

"Тихие часы" чтения Слова Божьего проводили каждый день. Совершали утреннюю молитву и заканчивали день совместной молитвой.

В воскресенье не работали. Помолимся вместе и потом — свободное время, каждый занимался, чем желал. Если я стояла на подаче бумаги, то мой вечер, а иногда и несколько ночных часов, уходил на подготовку бумаги на следующий день.

Тревожно в этом сарае работалось. Сидели, как на пороховой бочке: из окна дома напротив велось неотступное наблюдение. И всё же здесь напечатали: второй том нотного сборника, брошюру «Человек, которого ищет Бог», книгу: «Мир с Богом», «Братский листок» и другую духовную литературу.

Приехал И. П. Плент и озадачил известием: «Поскольку вас выследили, вы должны разделиться, чтобы не рисковать сразу двумя имеющими опыт сотрудниками».

— Я только-только с машиной познакомилась, листы подавать научилась. Контролировать саму сущность печатания ещё не могу. К тому же мы работаем на отечественных алюми-

ниевых пластинах, которые ведут себя непредсказуемо. Мне сложно взять полную ответственность за качественный выпуск журнала. И брат-печатник понимает, что я одна не справлюсь. Мы не согласны сейчас разделиться. Если уж тюрьма, так тюрьма. Выходя на труд, мы знали на что шли. Арест нас не беспокоит. Важно дело довести до конца и качественно.

— В таком случае дайте, пожалуйста, фотографии всех, кто с вами работает, чтобы не ездить по городам и не искать фото для "Срочного сообщения", — попросил Иван Петрович.

Отдали и горячо молились: «Господи, у нас безвыходное положение: прекратить работу не можем и оставаться опасно. Поставь Свою охрану над нами».

По нашей вере и молитвам Божьего народа Господь сберёг нас. Несмотря на сложнейшую обстановку, всё порученное напечатали, благополучно вывезли и сами выехали! И только потом недруги пришли с обыском, но ничем существенным не воспользовались.

Задержались в нарвском сарае полгода. Кроме канители с нестандартной бумагой, сложно было сделать качественные формы (пластины) — условия не позволяли.

Мало кто знает, что причиной задержки выпуска литературы нередко служили и несовершенства наших печатных машин. Например, мы в течение пяти лет работали на пяти разных машинах, и каждую нужно было довести до рабочего состояния, приспособиться к ней, понять все её капризы и преимущества. Но главное — полюбить печатать на ней благодатное Божье Слово ради спасения грешников.

Господь хранил печатные точки — это чудо! Но не меньшее чудо — терпение тружеников, какое Господь посылал им. Казалось, всё: надоело оглядываться и ежесекундно ждать ареста. Одну поломку на машине устранил, вторая, третья обнаружились, — сколько можно?! Однако печатники, даже отсидев срок, снова становились к печатным станкам, просились работать в лабораторию — это чудо Божье! Это Его сила так покоряла дух человека, так влекла к жертвенному служению.

Пути Господни неисповедимы

В конце 70-х годов ушедшего столетия верующие Запада, зная, что мы работаем на самодельных печатных машинах, расположились передать нам современную печатную технику. Как перевезти её через границу? В атеистическое время она была на замке.

Что они сделали? Закупили и разобрали портативную печатную машину (100 кг). Каждую деталь пронумеровали и сфотографировали. В течение двух лет туристы перевозили её через границу по частям, а наши доверенные люди складывали в определённом месте. Прибыла последняя деталь, а за ней — мастера-специалисты. Без особого труда собрали и передали её в дар издательству «Христианин».

Издательство к тому времени было разборчиво, они сконструировали и уже работали на машине с двухсторонней пропечаткой листа, а подаренная — с односторонней.

«Нам такая машина не подойдёт», — отказались. Пропечатывая на односторонней машине, лист приходится прогонять дважды и тексты на той и другой стороне не совпадают. При переплете их невозможно ни складывать, ни обрезать — это брак, что весьма затратно. С болью в сердце его приходилось сжигать.

«А нам подойдёт! — порадовался Геннадий Константинович Крючков. — «Братский листок» и другие небольшие документы — это же не журнал и не книги!» И эту машину в 1977 году доставили на его конспиративную квартиру.

Это был год, когда вся наша, тогда ещё неразделённая страна, готовилась к принятию новой Конституции. Каждый гражданин мог написать свои предложения, замечания. От имени служителей Совета церквей письмо в Конституционную комиссию писал Геннадий Константинович Крючков. Рядом находились печатники, сотрудники журнала и видели с каким тщанием он отшлифовывал каждую фразу.

В этом ответственном документе впервые за годы без-

божного правления открывалась чудовищная суть 6-й статьи Конституции. На это ещё никто не указывал, об этом никто открыто не сказал, хотя именно эта статья являлась стеновым хребтом, основой всех других бесправий. Железным законом, требующим беспрекословного выполнения, эта статья отводила атеистам абсолютистское право, принудительно превращая страну в государство специфического типа, в государство боготорческое, а значит — неравноправное. Верующим отводилось положение бесправных граждан.

Срок приёма заявлений в Конституционную комиссию был на исходе, а письмо всё ещё находилось в стадии доработки. Спешили. Пролетала неделя за неделей, Геннадий Константинович включал в письмо важные выводы, делал исторический анализ конституционной дискриминации верующих.

Сёстры-наборщицы тут же нарезали и наклеивали текст. Чтобы его сфотографировать, сделать печатную форму, доставить её на одну из издательских точек, затем отпечатать и отослать в Москву, — времени явно не хватало. На тот момент было совершенно непонятно почему происходила такая задержка.

Оставался единственный выход: отпечатать письмо у Геннадия Константиновича на недавно привезённой зарубежной печатной машине. Срочно поехали в Ивангород (там в доме Кооп заканчивали печатать журнал) и пригласили меня. Шла окончательная доводка документа и одновременно я готовила машину к работе. У Бога нет безвыходных обстоятельств и печатную машину вовремя подарили друзья, и меня Бог спас от ареста.

С Богом всё возможно! Угодное Ему дело Он непременно благословит! В предельно сжатые сроки документ успели отпечатать. Успели с нарочным вовремя доставить в Москву. Эту милость Господню забыть невозможно.

Стоит упомянуть о том, как драматически развивались последующие события. 21 марта 1977 года в Ивангороде арестовали Людмилу и Ларису Зайцевых, а также Ивана Ивановича Левен. В их числе должна быть и я, но меня незадолго перед этим, как говорилось выше, пригласили на конспиративную

квартиру к Геннадию Константиновичу. Бог знал, что готовится конституционное заявление в правительство и его нужно отпечатать именно здесь, а не там, где была заготовлена бумага, печатная машина и, как мы позже узнали, сидел в ожидании предатель, засланный работниками КГБ.

Печатников, арестованных в Ивангороде, почти год держали под следствием и заявляли: «Будем судить сразу всё издательство!» Не на ветер бросили самоуверенные слова. К тому времени недруги завербовали, основательно подготовили и внедрили в издательство своего человека — сына пресвитера из Запорожья, некоего Юру. Молодой. Полгода прослужил в армии и неожиданно вернулся. Как только ушёл с журнальной точки брат-специалист (его и приглашали временно), этот Юра усиленно просился в издательство у М. С. Кривко (ответственного за все печатные точки братства).

«Михаил Сергеевич, Сам Господь, приводит меня прямо в издательство! Я здоров! Меня в армии должны держать три года, а меня комиссовали. Это сделал только Господь!»

(С какой лёгкостью они употребляют это святое имя! Тайно отдался на служение властям — никто, даже родные не знали.)

Юра вошёл в доверие у Михаила Сергеевича тем, что доставал для издательства дефицитные запчасти, каких в те годы за большие деньги нигде не приобретёшь. Он изображал себя редким умельцем, который ловко договорится с кем угодно и найдёт всё. Фактически дефицитом его щедро снабжали чекисты. «Пусть Юра порадует печатников дорогой запчастью, но зато мы единым махом арестуем все точки!»

На одной из них Юра сидел в ожидании, когда привезут для печати «Братский листок», в котором будет опубликовано письмо в Конституционную комиссию, а листок всё задерживался и задерживался.

Что делает в это время Бог для защиты издательства? Неверующий Юрин двоюродный брат, служа в армии в Германии, попал в сложные обстоятельства, из которых его спас только Бог. Он воззвал к Богу, покался и стал новым челове-

ком. В связи с пережитым потрясением или по другой причине, он приехал в отпуск в своё родное Запорожье. Встретился со старыми неверующими друзьями, которые ничего не знали о его внутреннем состоянии. Они восприняли его, как своего, и стали хвалиться лихими похождениями.

— Вчера приезжал твой брат Юра! Мы на славу погуляли и покутили в ресторане!

Зная, что Юра на труде в издательстве, двоюродный брат пришёл в замешательство. Поторопился встретиться с Михаилом Сергеевичем, рассказал ему всё, и они оба встревожились.

— Давайте вот что сделаем. Я ещё раз встречусь со старыми товарищами, наведу их на прошлый разговор о кутеже и запишу на магнитофон.

Так и сделал.

Юра в это время, как уже упоминалось, находился на точке, куда должны привезти теперь уже готовый «Братский листок» для дальнейшего распространения. Если бы туда ещё и я приехала, то гонители арестовали бы многих причастных к издательству друзей и, возможно, осуществили бы свою надежду: судить в скором времени всех печатников. Как желали они отчитаться, что работа издательства «Христианин» прекращена!

Бог защитил или это случай? Какое дело двоюродному брату до наших стеснённых обстоятельств? Кто, кроме Бога, смог продумать всё до мелочей?! Кто из недругов в состоянии провидеть непостижимые пути Господни?!

Михаил Сергеевич, имея записанный на кассете разговор о похождениях Юры, прежде объяснил ему, что нужно работать в другом месте и перевёл его на новую квартиру. А на прежней в спешном порядке убрали всю бумагу (заготовлены были тонны!), перевезли в безопасное место печатную машину и только потом пригласили Юру в пустой дом. Михаил Сергеевич прокрутил магнитофонную запись. Если бы вы видели в тот момент лицо Юры... Поведение его напоминало дикого зверя, попавшего в капкан и готового разорвать обидчика. К разоблачению он был совершенно не готов.

Великая милость Господь явил и в написании Конституционного заявления, и в том, что оно отпечатано! Если бы не передали Геннадию Константиновичу одностороннюю печатную машину, если бы Бог не сохранил меня от ареста, то этот ответственный документ был бы похоронен. Предатель Юра, получив его, сдал бы его властям, не печатая.

В те годы поиском издательства и находящихся на нелегальном положении служителей Совета церквей занималась контрразведка. Но наше братство было под особой охраной Божьей. В нём были люди, всецело доверяющие Богу. Они молились: «Храни нас, Господь, от всего неугодного Тебе!» И Бог по молитвам святых создавал такие обстоятельства, такой милостью окружал издательство, что мы оставались неуязвимы благодаря небесному покровительству Господа нашего Иисуса Христа!

Гонители находили издательские точки, но самому издательству не повредили. Печатные точки были зарезервированы. Арестуют одну, приступала к работе вторая, третья. Свидетельство о том, что Бог всемогущий, всеильный ни на миг не прекращалось, и этим имя Божье прославлялось!

Забыли дать отбой

На чердаке гостеприимного дома работала группа печатников. Вдруг загорелась сигнальная лампа! Значит, в дом пришёл кто-то чужой... Сразу отключили электричество. Машина остановилась моментально. В темноте наощупь каждый нашёл место, где присесть. Кто не нашёл, замер там, где его застал сигнал тревоги. Ни рукой, ни ногой не двинуть, ни одного неосторожного движения нельзя допустить. Мы же находились фактически на потолке, любой шорох слышен. Сидим, только дышим.

Начинают затекать ноги, терпнут руки. Думаем: подозрительно долго задерживается «посторонний». В этой ситуации хозяева должны отвлечь любых гостей: постараться увести их на улицу, в огород — куда угодно.

Дом семейства Кооповых в Ивангороде, где работала печатная точка
издательства «Христианин»

На каком этапе отключили машину неизвестно. Придётся отмывать.

Отбоя не было. Неужели забыли? Как узнать, что произошло? Передвигаться в абсолютной темноте рискованно — на шумишь. Нужно учесть где что стоит, где кто сидит, где отверстие люка.

Одна сестра попыталась продвинуться — за что-то зацепилась. Остановилась. Стала я перемещаться ползком, благополучно коснулась рукой люка. Приподняла без скрипа — тишина. Открыла повыше — внизу никаких признаков жизни. Спустилась на первую ступеньку лестницы. Сколько можно было, нагнувшись, осмотреть, не увидела ничего подозрительного и не услышала. Вот и последняя ступенька лестницы. Шагнула в кухню, а за столом сидит хозяйка и увлечённо читает. Тихо позвала. Не испугалась.

— Сёстры! Простите, я забыла дать отбой... — увидев меня, отчаянно сокрушалась.

— Конечно, прощаем...

Минут сорок пришлось сидеть, боясь пошевелиться. Поднялась наверх. Включила свет. С непривычки друзья шурили глаза. На валах машины присохли два листа: теперь почти час придётся мыть и чистить два красочных вала.

«Журнал — лицо братства»

После ареста печатников в Ивангороде я присоединилась к группе тружеников, которой руководил Николай Павлович Лисогуб. В ней работали: Софья Петровна Бочарова, Зинаида Тарасова, Екатерина Гриценко, Тамара Быстрова. Если Софа стояла на подаче бумаги, я помогала Николаю Павловичу у машины. Он работал по старинке примитивным способом: сначала раскатает на стекле краску, затем снимает один красочный валик, прокатает по стеклу и повесит на место, затем второй и т. д.

— Я в технике ничего не понимаю. Меня так научили, по-другому я не могу, — добродушно и спокойно пояснял Николай Павлович.

Если руками накатывать краску, какой красоты можно ожидать? Работая с братом-печатником, мы продвинулись вперёд. У нас на машине уже стояло устройство, подающее краску.

Журнал должен быть красивым. Многие листы я отбраковывала. Произошло огорчение: «Зачем такое расточительство? Бумагу нужно экономить, это же — деньги».

Сёстры первый раз печатали журнал, а я со своими доводами: «Геннадий Константинович меня просил достигать, насколько можно, красоты и чистоты. Журнал — лицо братства. Он конкретно спрашивал: «Когда вы достигнете лучшего?» Показывал, какие должны быть снимки. Поймите, я пытаюсь этого достичь. Лучше меньше, да лучше».

Николай Павлович поддержал меня: «Вы уж не давите на неё. Если ей так сказали, с неё будут и спрашивать».

Это забыть невозможно (Черновцы)

Братья-румыны (пятидесятники) очень желали, чтобы сотрудники издательства «Христианин» в их домах печатали духовную литературу. Все требования конспирации соблюдали с особой тщательностью. (Ответственный среди них брат всей душой поддерживал гонимое братство и путь очищения.)

Пришло время, и труженики устроились в их доме. Три брата-румына для перевозки бумаги и оборудования купили «Запорожец», но при транспортировке от переутомления заснули. Попали в аварию. Двое быстро оправились после травм, а третий серьёзно повредил ногу и она долго не заживала.

Работали на чердаке, заранее оборудованном с большой любовью, а спали в комнатах внизу.

Два выздоровевших после аварии брата после работы на производстве приходили к нам и складывали листочки — сколько же у них было внутреннего торжества! А больной брат поднимался к труженикам с палочкой и просто сидел, наслаждаясь общением, — какая радостная была атмосфера! За годы труда такого радушия, как у румын, нигде не встречали. Это забыть невозможно.

Ответственный брат, хотя сам был под слезкой, на своей машине возил тружеников в горы — разрядку приятную устраивал!

Во время тиража получился сбой: фотографии в журнале №2—3, 1977 г. на позитиве и на пластине смотрелись вроде неплохо, а при печати вместо лица — тёмная ночь, всё черным-черно. Такой брак допускать нельзя, нужно ехать переделывать пластину.

Пришлось отправиться в Кишинёв к знакомому фотографу и там высветлить фотографию и сделать новую пластину.

Всё изготовила, можно продолжать работу. Неожиданно думающий взгляд скользнул по строчкам — ошибка в слове!

Кто, хотя однажды, соприкасался с работой на позитивах или негативах, тот поймёт, что значит скальпелем вырезать из середины слова одну-две буквы (ошибку). Затем из старых позитивов вырезать новые буквы и мизерной полоской липучей ленты приклеить, не повредив соседних букв, а также текста в строчке выше и ниже. Узкую полоску липучки трудно от пальца отделить. Господь помог — удалось исправить ошибку. Но это ещё не всё. Теперь заново сфотографировать, потом переkontakt сделать, обернуть позитив и только потом уже пластину засветить.

Закончив работу в Черновцах, мы радовались, что всю литературу вывезли благополучно. Через время мне и Серёже Бублик понадобилось туда за чем-то вернуться, а хозяев нет и неизвестно когда придут. Что делать? Окна высоко от земли. Брат помог мне подняться. Выставили стекло. Прыгать вниз — опасно. Осторожно спустилась с подоконника. Зашли в комнату, ожидаем.

Слышим — жизнь появилась! «Серёжа, иди и веди «дипломатические» разговоры... Ведь вторглись мы в дом необычным путём...»

Хозяин — в восторге! «Делайте в моём доме всё, что вам нужно! В вашем распоряжении — холодильник, кухня, ванна, спальни!»

Сколько простоты и радушия!

И к ответственному брату мы «входили» не через дверь, когда его дома не оказалось. Выставили стекло в двери кухни, открыли дверь и вошли. Стекло закрепили штапиком и расположились в комнате (Серёжа, Тамара и я).

Слышим, кто-то опять вынимает стекло. Оказалось, это наши два брата, перевозившие литературу. Они хотели здесь отдохнуть. Вошли в комнату, а там — мы! Хорошая была встреча! Мы помолились, пообщались и расстались. И больше не виделись. Их вскоре арестовали. Они убегали на машине от погони. Не зная местности, заехали в тупиковую улицу... Здесь их и задержали.

Хорошо слушать голос Божий

Однажды в Краснограде (Украина) привели нас ночью на квартиру для работы. Нежданно понадобилось срочно выйти за необходимой вещью. Кто пойдёт?

— Ты же шла сюда, дорогу видела, тебе и идти...

— Что заметишь в непроглядной тьме, если идёшь по дороге первый раз?! Ничего не помню. Однако пойду.

Вышла днём, а возвращалась ночью, сбилась с дороги и забрела на кладбище... Взмолилась: «Господи, только Ты выведешь... Совсем не знаю, куда идти. Не оставь!». Есть внутренний голос, тихий и нежный, веяние Духа, Который «...дышит, где хочет, и голос его слышишь...» (Иоан. 3, 8). Прислушивалась сердца — какое направление избрать? Появилось желание направиться в определённую сторону, оказалось в нужную. Господь вёл. Вышла благополучно. Не заблудилась. Великое благо научиться слушать наставительный голос Божий!

Кладбище позади, а дальше куда идти? Спрашивать у прохожих рискованно. Улицу, номер дома, фамилию хозяина мы никогда не записывали. Находили только по приметам. Но без Господа и приметы могут подвести, забудешь.

Не к тем людям попали

В поисках новых мест для тиража мы устали ходить кругами и возвращаться на те же квартиры. Михаил Сергеевич Кривко дал нам свободу самим искать что-то подходящее. Для этого нужно общаться с людьми, присматриваться, а мы по полгода (иногда и больше) проводили в подвалах или на чердаках, печатая журнал и другую духовную литературу. Знакомиться некогда и негде.

Своим домом я не могла воспользоваться. Он в лесу. К тому же — нет электричества. У другой сестры — квартира на втором этаже, а печатная машина, как известно,

бесшумно не работает. У третьей в доме проходят богослужения.

Наконец довелось познакомиться с молодой семьёй в Осетии. Члены зарегистрированной общины. Торговали цыплятами. Согласились, чтобы мы у них потрудились. Предусмотрительный хозяин сразу снял со стен ковры, собрал дорогие вещи и отвёз к родителям.

На старой машине мы завезли всё необходимое. Подготовили бумагу. Приступили к сбору печатной машины. Одновременно оборудовали комнату, протянули электрические провода, установили фотоаппарат и лабораторию, — это потребовало времени.

По пути в Осетию завернули в Ростов-на-Дону. Друзья снабдили хорошими консервами и продуктами: для большого коллектива в магазин не находишься.

Хозяйский дом высился на горке. Двор открытый, хотя и огороженный. Ни одного кустика. Пищу готовили в летней кухне и бегали с кастрюлькой туда и обратно, пригибаясь, чтобы с улицы через забор никто не увидел. А когда темно — таким же образом бегали в туалет.

Машину собрали. Включили — стучит мотор. Разобрали, смазали подшипники, снова собрали — стучит.

Одна из сестёр окончила электротехнический техникум. Прошу: «Помоги. Тебя же этому учили». — «Да я уж ничего не помню. Знаю только, что, прежде чем закрепить крышку мотора, его нужно сбалансировать на определённом стенде».

А у нас в распоряжении одна табуретка... Господь помог, нашли причину: ротор задевал за статор. Устранили.

Хозяева приезжали с торговли поздно. Голодные. А у нас приготовлено. «Как у вас вкусно пахнет! Можно мы поедим?» Ели.

Консервные банки хранилась у них. «Какие у вас консервы хорошие! Угостите». Брали сами и ели. Смотрим, коробка на половину пуста, а ведь здесь мы, можно сказать, ещё не жили и не работали.

«Наверное, не то место нашли, не к тем людям попали...» — тенью наполняла сознание тревожная мысль. Можно, конечно, смириться с тем, что продукты тают, но как быть с туалетом?! Долго не набегаяешься незамеченным...

Новые обстоятельства повернули всё вспять. В церкви возникли трения с нашим хозяином. Он решил оправдаться и во всеуслышание заявил: «А вы знаете, что у меня труженики находятся?»

Пришёл с собрания и не стал скрывать. Ходил по комнате, холодно и бесстрастно рассказывал о возникших неприятностях и даже не покраснел, не смутился от своего явно непростительного заявления. Изредка бросал на нас испытывающий взгляд.

— Извините, но нам придётся уехать. Оставаться у вас опасно...

В ответ — ни звука. Как расценить молчание? Вполне вероятно, поспешный наш отъезд их устраивал.

Машину разобрали. Всё упаковали, в том числе и остатки консервов, и перевезли в другой город. Сложили в сарае и прямым путём к Михаилу Сергеевичу. Объяснили ситуацию:

— Не могли мы рисковать и оставаться у таких людей.

— И правильно сделали! — утешительное слово успокоило, а попечительная забота облегчила нужду.

Предчувствие ареста

Михаил Сергеевич посоветовал поработать в Бельцах (Молдавия). Сначала отправили туда свою зимнюю одежду. Затем Серёжа Бублик поехал узнать обстановку: не опасно ли завозить печатное оборудование? Хозяева встретили озабоченно: «Не можем принять, за нами наблюдают...»

Остерегаясь слежки, Серёжа отправился от них пешком, исходил не один километр, пока не убедился, что никто не увязался. (Одежда наша там до сих пор...)

Возвратились к Михаилу Сергеевичу печальные, и он на-

правил нас в Днепропетровск, в Кодаки, в дом 84-летней старушки Заплавы Анны Лукьяновны.

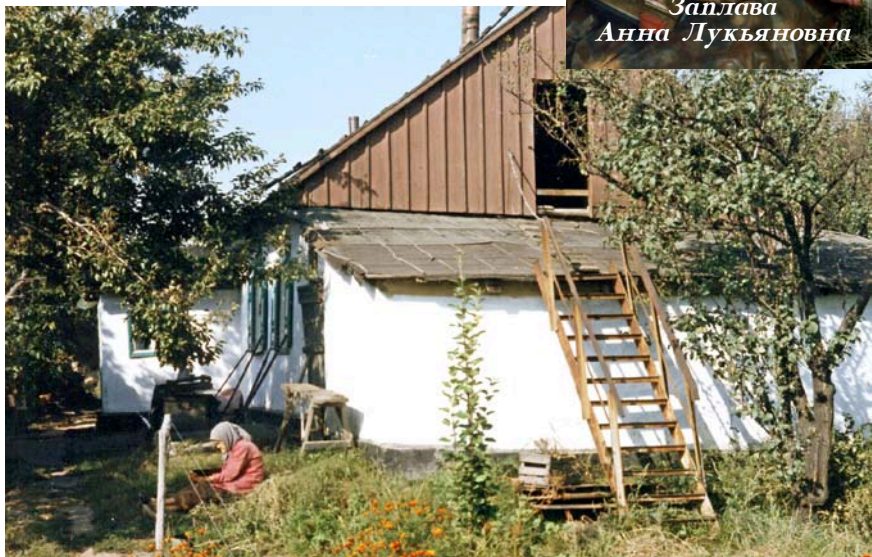
Условия там такие, что нам самим предстояло завезти не только печатное оборудование, но и все продукты питания на месяц, бумагу, кухонные и постельные принадлежности и всё остальное.

Возили из посёлка Карачовка (Харьковская обл.) на старенькой «Победе». Ночью за кустами перегружали на микроавтобус, он отъезжал, а мы, уставшие, отправлялись за следующей частью груза.

Привезли всё в Кодаки, принялись оборудовать помещение: ставить розетки, протягивать провода. Попутно кое-что ремонтировали и для бабуш-

*Запlava
Анна Лукьяновна*

Старые Кодаки. Здесь прервался наш радостный труд
во славу Господа и Его возлюбленной церкви

ки, этим расположили её.

— Дверь мне трудно закрывать, помогаю коленкой... — пожаловалась.

— Серёжа, Бог посылает возможность послужить. Сможем?

Он согласился, не раздумывая. А дверь массивная, какого столетия — неизвестно. Пол в комнате глиняный, накрыт окрашенным рубероидом. Вдвоём осилили снять старинную дверь с мощных петель. Она сразу продавила рубероид. Ничего не поделаешь, так и осталась пробоина в полу. Поставили кольца на петли, смазали и навесили дверь. Она, конечно, приподнялась. Язычок замка легко вошёл в прорезь металлической планки. То-то радости было у старушки: «Спасибо! Спасибо!» Этим мы благоволение у неё приобрели. Она даже разрешила пробить отверстие в потолке.

Дело в том, что в комнате, где отработывали тираж, была ещё маленькая кухонька. Она отделялась лёгкой перегородкой. В кухоньке стояла плита, её углем топили, чтобы обогревать комнату. Но ведь её истопил — и всё, а на улице в разгаре зима, мороз. Приходилось дополнительно отапливать комнату двумя "Шмелями" (нагревательные приборы на бензине), а в кухоньке разогревать на них пищу. Вдруг "шмели" перестали гореть — покраснели, дымить начали. Стены быстро заплесневели, сначала жёлтые стали, потом чёрные. Подумали, "Шмели" не горят из-за некачественного бензина. Вызвали сына хозяйки:

— Яша, ты бензин хороший принёс?

— Да. Какой сказали, такой и принёс.

— Что-то у нас не горят "Шмели". Может, какая-то ошибка произошла?

Он пожал плечами:

— Хорошо, другой куплю.

Принёс бутылку — не горят. Стали думать. Догадались: «Наверно, кислорода в помещении мало». Если так, следует обеспечить хороший приток и отток воздуха. Такой опыт мы

уже имели в других местах, поэтому я с первых дней просила сына хозяйки сделать в потолке отверстие, но он с сомнением качал головой: «Едва ли бабушка разрешит». — «Ну, ты спроси» — пыталась его убедить. Он не поддавался: «Сама сходи». А мне боязней, чем ему, я вообще несмелая от рода. А старушка наша по виду грозная была и требовательная. Дисциплину строго держала.

Ну, а когда дверь отремонтировали, немножко осмелели. Да и бабушка мягче стала. Пробоину в потолке пробили. Дружно зашумели "Шмели", да только лишь за неделю до ареста. Но стены, конечно, уже испортили. А ведь там новые обои были, поклеены хорошо. Так что с нами было нелегко. Но благодарение Богу, люди всё равно не роптали, радовались, что могут содействовать Божьему делу.

Предчувствие ареста у нас было. Как-то нескладно всё получалось. Машина, на которой завозили необходимое для тиража, почему-то постоянно глохла. То ли не новая, то ли водитель не всё предусматривал. Везли бумагу. С тяжёлым грузом автомобиль сидел низко, доехать бы благополучно. А он возьми да и заглохни среди поля. Так и ремонтировали на голом безлесье. Был в запасе новый стартер. Полез водитель под машину, чтобы поменять, а старый цел, просто гайки открутились, их надо потуже подтянуть и всё. Подтянули — завелась.

И когда непосредственно на тираж направлялись — снова заглохла, толкали её с горки, чтобы завести. Выехали — опять заглохла, и через железнодорожные пути по посёлку вновь толкали.

— Вот и машина туда не везёт, — печалилась Тамара. — Едем не на тираж, а вот куда, — и скрестила пальцы в виде решётки.

В городе беспокойно, каждый день приносил тревогу. Перед нашим приездом местные друзья печатали там на "синьке" какие-то материалы. Их обнаружили, но они успели скрыться, бросили бумагу, приспособления и всё отпечатанное. Поймать их не поймали, но на след они навели.

Мы устроились за городом, в Старых Кодакх, во флигеле у бабушки, а в самом Днепропетровске в это время шли библейские курсы. Власти тоже их выследили, разогнали, Николая Ильича Кабыша (в то время кандидата в члены Совета церквей) арестовали. И ринулись с обыском по домам верующих.

В день нашего ареста работа застопорилась: срезало шпильку на офсетном валу. Включили машину, валы крутятся, а сцепления нет, проскальзывает. Слушали, слушали, в каком же узле неполадки? Разобрали верхнюю часть машины — нашли поломку. Выточили шпильку, только собрали машину, слышу, сёстры тревожно перешептываются.

— Что случилось?

— Может, нам показалось...

— Здесь ничего случайного не должно быть. Если показалось, давайте выясним.

— Фуражка милицейская промелькнула. Кто-то пошёл к бабушке.

— Ясно. Все адреса и важные документы — в печку. Ничего не нужно оставлять. Больше сожжём, легче отвечать на следствии.

На сей раз сотрудники милиции очень уверенно переступили порог этого дома. Обыск начали с бабушкиной комнаты. С нами оставили понятного — человека спокойного, не любопытного. Он сидел на диване, читал и дал нам свободу делать необходимое. Для него, видимо, главным было, чтобы мы не сбежали.

За перегородкой в кухоньке топилась печка, и я ушла туда. Раскалённые чугунные кружки, которыми закрывают плиту, снимала голый рукой, потому что как иначе снять? Они же загремят. А нам важно не на шуметь, чтобы понятный ничего не заподозрил. Сняла кружки рукой и бросала в огонь позитивы, фотографии служителей Совета церквей, записи, словом, всё, что нужно сжечь. Вот тогда-то я кожу на пальцах сильно сожгла. Привезли в тюрьму,

стали брать отпечатки, а на пальцах рисунка нет. Через месяц процедуру повторили. Но новые отпечатки не совпадали с теми, какие обнаружили на изъятых у нас документах и на бумаге.

«Аккуратная работа», — с глубокой досадой отзывался следователь.

При обыске изъяли также позитивы нескольких зарубежных брошюр. Мы брали их с собой в надежде успеть сделать пластины и отпечатать. Мы же включены были на двестипроцентную работу! Нам не сразу привезли журнал, и, ожидая, мы ещё «Братский листок» напечатали, календари. Думали и с брошюрами управиться. На зарубежной плёнке остались отпечатки пальцев, но не наши.

— Сколько человек работало на точке? — обращая хмурое лицо, сурово глядел следователь.

— Четыре.

— Значит, вожак сбежал?! Отпечатки есть, а человека нет! Мы не стали опровергать его неверные предположения.

Пока обыск у бабушки делали, я торопилась химикаты слить в раковину. Спешила, как на пожаре. Не успела вылить только дихлорэтан. Следователь потом угрожал: «Где взяла? В продаже нет. Значит, своровала? За нанесённый государству ущерб судить будем!»

Со мной на кухне (тоже без паники и шума) Тамара собирала всем вещи и продукты для тюрьмы.

(У нас были деньги. Плохо, что при аресте мы взяли их с собой, — все конфисковали «как доход от незаконного промысла». С Тамары и Любы в зоне до конца срока каждый месяц удерживали проценты из этих средств.

И с меня начали высчитывать. Пришла к начальнику отряда: «В приговоре написано, что это мои деньги. Их конфисковали. Почему же опять высчитывают?» «Надо разобраться, — говорит. — Скажи мне номер Днепропетровского СИЗО». Я его уже забыла, продиктовала какой-то наугад. Покачал головой: «Такого там нет». Я стала вспоминать

и вспомнила. Он деловито подтвердил: «Вот это похоже».

Подсказал, как написать письмо в тюрьму, и отправил. Пришло подтверждение, и высчитывать прекратили.)

Первый допрос

Семь месяцев шло следствие. Порядком надоели серые тюремные стены. Родные передали конфеты в красивой коробке: какие же яркие цветы пестрели на ней! Жаль, непахучие. Надзирательница вытряхнула конфеты в безликий пакет, а коробку небрежно смяла и — в урну.

— Такую красоту мнёте!.. В ней ведь ничего крамольного нет...

— Не положено!

Арестовали в январе, но только в мае вызвали на первый допрос. Надзиратель привёл, а следователя в кабинете нет. Села на табуретку — как же затрясло "героя"! Колени бились одно о другое, руки судорожно тряслись, словно жестокая лихорадка трепала меня. «Только бы следователь не пришёл!», — молилась. Потом — тише, тише. Тряска закончилась, руки послушно опустились на колени. Я успокоилась — и появился следователь. «Господи, слава Тебе!»

Так наша "смелая" плоть встречает неожиданные трудности. Такие мы "герои". Как хорошо, что Бог посылает драгоценные минуты, чтобы познакомиться с самими собой!

Как-то раз ознакомиться с делом вызвал следователь к себе в кабинет нас троих вместе. Встреча, конечно, желанная и радостная! Надо читать материалы обвинительного заключения, а мы без остановки переговаривались. Он несколько раз подходил, а у нас дело открыто всё на той же странице. Он что-то сказал недовольно, я не промолчала. «Ты и здесь продолжаешь совращать!» — ударил меня по плечу.

Мы не подозревали, что все разговоры записываются, и изливали душевные переживания. На свободе любовь не так проявляется, как в неволе. Что такое страдающая любовь можно

испытать на деле, всем существом лишь тогда, когда дух твой и дух близких тебе людей томится по свободе Христовой.

Получила по плечу, а когда следователь ушёл, мы опять: шу-шу-шу. Не унывали.

От следователя Семакина (он был очень груб) мы, не сговариваясь, отказались, не давали ему никаких показаний.

У прокурора

Наше дело взялся вести прокурор Тищенко.

— Писать ничего не буду, просто хочу побеседовать. У вас изъяли книги (перечислил), я не согласен с этим, с этим. Что ты скажешь?

Не пускаясь в пространные рассуждения, я только свидетельствовала ему о Господе.

— Знаешь, мне просто любопытно: как вы так оперативно и тайно завезли такую массу груза! — польстил или действительно изумлялся. — Я опросил всех соседей — ни один не видел, чтобы кто-то посторонний проходил по улице с узлами или мешками.

Я подумала, подумала и говорю:

— Ну, и я не скажу.

Во время следствия родные передали необходимые вещи. Одно платье вернула. Лишнее очень обременяет на этапах. Всё равно заключённые выпросят или своруют. Фуфайку передали — хорошо! Сапоги кирзовые — хорошо! Больше ничего не надо.

В передачу положили большую луковицу. Налила воды в мыльницу (иной ёмкости не нашла) и опустила её. Через время пробудилось одно смелое зелёное пёрышко, за ним вышло второе, поторопилось третье! Какое прекрасное зрелище! Кругом унылое, мрачное, серое, а в мыльнице радовала глаз свежая, независимая жизнь? И никто меня не ругал за это, никто не выбросил проросшую луковицу. Все тихо и приятно наслаждались.

«Паровоз»

Тамара Быстрова по уголовному делу шла как «паровоз», то есть ей предъявляли обвинения во всём как главной. Она радовалась.

Между тиражами — свободное время. Мы не позволяли себе никуда выходить, чтобы хозяева не переживали. Тамара, пользуясь возможностью, описала весь печатный и лабораторный процессы: как пластины готовить, как позитивы и какие химикаты нужны. Записала также много кулинарных рецептов, — в общем пять тетрадей изъяли! И везде, разумеется, её почерк и отпечатки её пальцев.

Моей рукой был написан всего один листочек. (Я нарисовала ковш, кружку и какие-то приборы.) И его она тоже назвала своим.

Сидели мы в тот день у следователя, когда он вызвал нас одновременно троих, продолжали знакомиться с делом. Тамара наступила мне на ногу. Значит, где-то мне нужно промолчать.

— Тетрадка твоя? — уточнил у неё прокурор.

— Моя.

Вторую, третью показал.

— Твоя?

— Моя, моя.

Листочек мой взял:

— Твой?

— Мой! — жмёт мне ногу.

Я молчала. Ей так хотелось быть «паровозом», она очень жалела меня. Заботилась, чтобы мне дали меньший срок.

В тюремной камере

Как только переступил порог камеры, говори правду за что арестовали или осудили. Кто лукавит, другую статью называет или возмущается: «Да ни за что посадили!» — пожалеет, и очень. Правду заключённые любят.

Меня ввели в камеру. В ней обитателей немного, всего четыре. Моя койка занята. На ней — чашки, папиросы, зеркальце. Женщины недовольно поморщились — их лишают хоть и бедных, маленьких, но таких желанных удобств. Нехотя убрали.

Положила матрас, объяснила:

— Я верующая. Помолюсь.

— Молись, не возражаем.

(В последующие дни я вставала в пять утра, когда все спали, и молилась под вешалкой.)

«А мы неверующие!» — выглянув из-за шконки (койки), шустро представилась женщина, судимая второй раз. Она не должна сидеть с теми, кого судят первый раз. По-видимому, "подсадная утка".

Принесли пшённую кашу. Не торопясь, выкладываю на край миски чёрный мусор из каши.

— Чё перебираешь? Жри всё! — приказала шустрая.

— Желудок-то мой! Что хочу, то и положу, — дала ей понять, что не собираюсь прислушиваться к её командам.

— Тогда конфету возьми. Я тебя угощаю.

— Нет-нет! Конфет-то я как раз и не хочу.

Не получилось у неё завести со мной дружбу и выпытать то, что нужно следователю. О деле Божьем я ни с кем не разговаривала, и «уткам» нечего было делать около меня.

Посыпались вопросы: на каком деле попалась, по каким статьям обвиняют.

— Вы не знаете, наверное, моих статей.

— Как это не знаем?!

— Мне нетрудно назвать, но вы тут же спросите: «Что это за статьи?»

— Всё-таки скажи.

— 138-я и 142-я.

(Эти статьи украинского Уголовного Кодекса: «нарушение закона об отделении церкви от государства» и «клевета на советскую действительность».)

— И правда, не знаем. Но тюрьма всё знает!

По тюремному "телефону" (кружку приложили к батарее) спросили у мужчин соседней камеры.

«Религиозные статьи. Три года», — простучали в ответ.

— У нас же за веру не судят! — удивились.

— Настоящих верующих судят.

Конечно, я не сказала им, что арестована за печатание христианской литературы. Посчитала оскорбительным говорить о святом деле этим воровайкам. (Откуда взялось это слово — воровайки? В Нижнем Тагиле — мне рассказывали — колючая проволока лагерной зоны подходит близко к жилым домам, и сараи почти вплотную жмутся к лагерной больничке. Мальчишки взбирались на крышу сарая и кричали: «Женщины-воровайки! Вы сегодня домой пойдёте, амнистию объявили!» Так и прижилось это слово.)

Этих вороваяк я предупреждала: «Бог спросит с вас. Вы лишаете людей единственной смены белья и не думаете, что придётся отвечать перед Богом. Воры Царствия Божьего не наследуют».

Заядлая курильщица

В Днепропетровской тюрьме со мной сидела женщина, которая на свободе работала заведующей базой. Когда министры приезжали в город на банкеты или с проверкой, она обязана была нагрузить корзину с фруктами и дорогими продуктами и отнести к самолёту. И вот у этой женщины обнаружили «растрату» — 97 тысяч! По деньгам тех лет довольно большая сумма. Ей грозил расстрел.

Она курила день и ночь. Одной папиросы хватало на три затяжки. Моя койка — над ней. Выдохнет зловонный клуб, он сначала ударялся в потолок, а потом весь опускался на меня. Приходилось приспосабливаться: как только она начинала тянуть дым в себя, я быстро поднимала одеяло на голову и плотно укрывалась. Дым рассеивался, снимала одеяло, подышу до следующей затяжки, и опять под одеяло, — тем и спасалась, иначе угореть могла.

На безнадёжных влиять надо

В этой же тюрьме в нашу камеру привели бомжиху, то есть женщину без определённого места жительства. Её осудили за соучастие в убийстве. Она представилась воровкой. Обидно показалось воровкам, что к ним примкнула какая-то убийца. Она со всеми перессорилась, и её из каждой камеры выгоняли. И у нас она не поладила с сидевшей за хулиганство, которая у любовницы мужа перебила весь хрусталь, потом взяла из шифоньера дорогие отрезы, красивый трикотаж и в посадке сожгла. Сидела она одиноко. Никто к ней не приходил, никакой передачи никогда не передавал.

Как же убийца и хулиганка ругались между собой — передать невозможно! Такую драку подняли, хоть водой разливай! Одна схватила туфлю и другую каблуком по голове. Я встала между ними:

— Не смейте драться! Хватит! Вы уже друг другу наговорили слишком много оскорбительного! Стресс сняли. Успокойтесь. Обе хороши. Одна сидит — убила человека за три рубля... А другая — разбила и сожгла дорогие вещи... Обе арестованы... Прекращайте! Здесь и без того жизнь тяжкая...

Они перестали драться.

А потом соучастница в убийстве стала стучать и кричать: «Переведите меня в другую камеру!»

Вошёл надзиратель: «Ты уже все камеры обошла. Я тебя в лучшую привёл! Что теперь с тобой делать?» И смотрит на меня. Мысль промелькнула: надеется, что я смогу повлиять на неё. Сообразила и говорю: «Ну, ладно, гражданин начальник, всё хорошо будет». И он ушёл. Мы поняли друг друга. С тех пор он очень уважительно ко мне относился.

До этой жестокой потасовки я этих женщин жалела: угощала сахаром, маргарином и маслом (когда мне передавали).

— Вы окрепли! Силу почувствовали! Драться взялись! Теперь масла не увидите и сахару не дам, — строго пригрозила.

На следующий раз, когда можно было отовариться продуктами, они ничего не получили от меня, как и предупредила. Они приутихли и даже подружились. Больше надзирателя не вызывали.

Жаль было несчастных, потом я их всё же угощала. Следствие над ними длилось недолго. Быстро ту и другую вызывали на суд. Я получала их порцию обеда, заворачивала в одеяло, чтобы сохранить тёплым, и поздним вечером отдавала. Они могли поесть.

(В день суда заключённых поднимают рано и увозят без завтрака. Они весь день голодные. Возвращают в камеру поздно, никто им не принесёт ни обед, ни ужин.)

Женщины были благодарны. А когда меня судили, они поступили так же: хранили мой обед, завернув в одеяло, пока я вернусь с процесса.

Тюремная почта

Заключённым в тюрьме не скучно. Приложив кружку к батарее, разговаривают «по телефону» камера с камерой и «коней» гоняют. Как? Попробую рассказать.

Распускают капроновый носок и к концу этой длинной лёгкой нити привязывают спичечный коробок. В него вместо грузила кладут кусочек хлеба или камешек. Затем к нитке прикрепляют свёрнутую в трубочку «ксиву» (письмо) и завязывают своеобразным узлом, который можно в один момент развязать.

Прежде чем выпустить из форточки «коня», кто-то должен стать у глазка («на атасе») и наблюдать: не смотрит ли надзиратель. Я никогда не участвовала в подобных затеях и сразу предупредила: «На "атасе" стоять не буду!»

Вертикальный «конь» ходит вниз, вверх. Ээки, зная расстояние между этажами, опускают нитку нужной длины. Сначала «по трубке» предупредят: «Лови "коня"!», а потом уже отправляют.

Горизонтального «коня» пускают по ветру. Грузила этому «коню» — только помеха. Выпустят нитку на ветер и наблюдают, куда её отнесёт: вправо, влево. Ждут иногда долго.

Решётки на тюремных окнах состоят из железных пластин («ресничек», как называют их зэки), установленных под углом на небольшом расстоянии друг от друга.

В камере тайно хранится палка длиной 70—80 см. Её ухитряются отщепить от шконок (кроватей). Из них же выдернут гвоздик и загнут на конце, чтобы получился крючок.

Как только ветер подгонит нитку к окну нужной камеры, стучат по батарее: «Лови "коня"!» Между решётками просунут палку с крючком и подтягивают послание. Быстро развязывают нитку и получают "ксиву" (письмо). Нитку тут же сматывают и прячут, чтобы не обнаружили при проверке.

Если «коня» найдут, обязательно отнимут. Бывает, побьют. Зэки тут же распускают следующий носок, и «конь» побежал. Иногда вместо нитки рвут на узкие ленточки простыню.

Когда нас водили на допрос, мы видели, как ползёт по тюремной стене пачка сигарет, за ней — что-то ещё в узелке. «Конь» иногда доставляет колечко колбаски, носки. Словом, по стенам непрерывно снуют туда-сюда «кони» — так интенсивно работает почта.

Время от времени в тюремный двор въезжает машина с поднимающейся вышкой (с её помощью рабочие меняют лампочки в погасших фонарях на улицах города) и обрывают со стен всех «коней». Только машина скроется, «кони», как ни в чём не бывало, снова бегут по стенам. Так живёт тюрьма своей бурлящей жизнью. Зэки не унывают и всегда в курсе всех событий и в тюрьме, и на воле.

Евангелие уцелело!

Люба Косачевич пронесла в тюрьму в руке завёрнутое в большой носовой платок полное Евангелие, напечатанное на тончайшей бумаге мелким шрифтом специально для узников

и для христиан-солдат. Не сшитое. Каждый листок отдельно. Это — бесценный дар верующих Голландии (или Германии).

Сам Господь сокрыл Своё Слово! Не иначе! Ведь при проверке заставляют развести руки в стороны — так удобней обыскивать. Евангелие лежало в руке Любы и уцелело! Ведь это же чудо! Как мы радовались!

Позже через "баландёров" (то есть, через тех, кто баланду разносят) Люба пересылала мне отдельные части Евангелия, имея в виду всех нас, троих печатников.

Огрызком карандаша, доставшемся мне по тюремному наследству, я переписала послание Евреям в тетрадь в линейку (по три строчки между линиями) бисерным, очень мелким почерком. Как насытилась душа моя вечно живым Словом Господним! Так мы духовно выживали в неволе, хотя читать рискованно.

Межкамерные почтальоны

"Баландёры" — это заключённые, получившие за мелкое хулиганство небольшой срок (полгода, год). Их не этапируют в зоны. Они моют пол в тюрьме, варят кашу, разносят по камерам баланду. Через них поддерживает связь вся тюрьма. Это межкамерные почтальоны. Конечно, за ними следят, и, когда попадутся с чьей-нибудь "ксивой", их, бедняг, наказывают. Однако не принять записку от заключённого нельзя — это закон тюрьмы.

В итоге, через "баландёров" я получила от Любы полный текст Евангелия и переслала его Тамаре, а она — Серёже.

Перегнёшь листочек несколько раз, чтобы получился маленький квадратик (1,5х1,5 см), поместишь его в полиэтиленовый пакетик и запаеешь со всех сторон горящей спичкой. Сверху и снизу пишется номер камеры.

Откидывается кормушка, в ней появляется лицо "баландёра". Показываешь ему "ксиву". Он озирается: нет ли кого в коридоре, и берёт. На случай проверки, он может "ксиву"

опустить в суп, погрузить в кашу. Если "баландёра" застанут врасплох, он может бросить письмо в котёл.

Приносят почту так: "баландёр" открывает кормушку и бросает в камеру письма. Никто из заключённых не пытается тут же поднять их. Наступают ногой и, как ни в чём не бывало, принимают супы. Когда кормушка закроется, только тогда разбирают письма.

Как писать, когда вся камера на просмотре? Садилась на мусорное ведро (оно в стороне от глазка). Брала фанерную крышку на колени и писала.

Обычно я всегда успевала спрятать, а однажды увлеклась. Слышу, замок открывается. Бросила фанерку на койку и мигом сунула под неё тетрадку.

Надзиратель вошёл, остановился у двери, охватил меня строгим взглядом, затем посмотрел на койку, потом опять перевёл глаза на меня — и так несколько раз. Не отодвинул фанерку, не отнял тетрадь, но дал понять, что суету заметил. Радостно на сердце за такое доброе расположение надзирателя! Очевидно, он уважал верующих.

Прокурорский ребус

Как правило, узнать дату суда довольно трудно. Это испытывали все родственники узников. Их сознательно вводили в заблуждение не только о дате суд, но и где он состоится. Разумеется, гонители вынуждены всё это тщательно скрывать. Дела-то их явно незаконные, судят невиновных и весьма опасаются, чтобы на суд не съехались верующие из разных городов.

Нина, моя родная сестра, специально приехала в Днепропетровск, разыскала следователя. Он удивился, что только ради даты суда она не посчиталась ни с чем и проделала такой дальний путь — из волжского Горького на Украину. И убедил: «Поезжай домой. Ещё рано. Пока не закончится олимпиада, никто их судить не будет».

Доверять гонителям рискованно. Они заинтересованы судить верующих тайно. Бог побудил её приехать второй раз, и она добилась встречи с прокурором.

— Я сдал дело, — пояснил он, — а когда суд подготовит процесс, сказать затрудняюсь...

И предложил несложный, почти сказочный ребус:

— Вот пройдёт этот день. Потом пройдёт и тот день. А в воскресенье никто не работает. А понедельник — сама знаешь... А там видно будет...»

Нина без особого труда решила этот ребус. Продолжение фразы: «Понедельник сама знаешь...» — напрашивалось само собой: «...день тяжёлый». В этот день обычно не проводят суды. Она утвердилась в дате и сообщила её Косачевичам, Кабышам, Бубликам. И не ошиблась.

После суда Нина добилась свидания со мной.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

над Кабышем Николаем Ильичом (пресвитер церкви СЦ ЕХБ г. Жёлтые Воды) и сотрудниками издательства «Христианин»: Бублик Сергеем, Юдинцевой Галиной, Быстровой Тамарой и Косачевич Любовью

18–22 августа 1980 года, г. Днепропетровск

ДОПРОС Н. И. КАБЫША

Прокурор: Николай Ильич, кто вас пригласил работать в Совете церквей?

Кабыш: Не могу отвечать на этот вопрос.

Прокурор: Это неуважение к суду! Кто вас рекомендовал?

Кабыш: Это внутрицерковное дело.

Судья: Журнал «Вестник истины» печатался в Днепропетровске. Вас, как

Н. И. Кабыш

кандидата Совета церквей, не поставили в известность?

Кабыш: В этом не было необходимости.

Прокурор: Следствие располагает данными, что из Англии, Франции идут письма с подписями верующих: «Освободите Кабыша!» Откуда им стало об этом известно?

Кабыш: Не знаю. Литература, которую печатает издательство «Христианин», приносит духовное удовлетворение верующим. Официальному союзу ВСЕХБ напечатали всего 25 тысяч Библий.

Прокурор: А в Днепропетровске изъято 16 тысяч! Тонна бумаги! Центнер краски! Центнер! Любая солидная типография позавидовала бы. Мы такого не имеем. Вы получали удовлетворение, а этот журнал — клеветнический, и советские люди не получали удовлетворения. За это вас и судят!

ДОПРОС БЫСТРОВОЙ ТАМАРЫ

Т. В. Быстрова

Судья: Что скажете по делу?

Быстрова: Наше государство не издаёт духовную литературу для верующих, чтобы её можно было купить в магазинах, а церковь нуждалась и нуждается в ней. Узнав, что печатники работают в чрезвычайно трудных условиях, я захотела помочь им. Труд в печати для меня — радость, даже больше — счастье! Это жертвенное служение Богу. Распространялась литература безвозмездно и не порочила советский строй.

Мы подчиняемся власти во всём, кроме вопросов веры. Здесь мы повинемся только Христу. Ради Него сохраняем веру даже среди испытаний.

Прошу возвратить принадлежащее церкви печатное оборудование, изъятое при обыске.

Прокурор: Как вы попали в Днепропетровск?

Быстрова: На вопросы, касающиеся моей работы, отвечать

не буду.

Прокурор: Кто вместе с вами ещё проживал у Заплавы?

Быстрова: Отвечаю за себя.

Прокурор: Где вы отдыхали после такого изнурительного труда? Вы же сутками работали! 15 тысяч экземпляров отпечатали!

Быстрова (уточнила): Пятнадцать с половиной тысяч!

Прокурор: Ух! Прошу прощения. Кто вас пригласил на этот труд?

Быстрова: Я добровольно пошла.

Судья: Откуда технику получали?

Быстрова: Отвечать не буду.

Судья: Можете охарактеризовать печатную машину?

Быстрова: Могу, но не буду.

Прокурор: Металлические кассеты, на которых печатали...

Быстрова (поправляет): Пластины.

Прокурор: Таких пластин в Советском Союзе даже в помине нет.

Мамонтов (эксперт по религиозной литературе): Вы скажи, что печатать литературу вас заставило её отсутствие.

Быстрова: Да, но прежде всего побудила любовь к духовной литературе и желание, чтобы другие её имели.

ДОПРОС ЮДИНЦЕВОЙ ГАЛИНЫ

Судья: Расскажите по существу дела.

Юдинцева: В момент задержания я печатала духовно-назидательный журнал «Вестник истины». Он предназначен для верующих и отражает жизнь христиан сейчас и в прошлом.

Судья: В журнале «Вестник истины» №№ 1, 2 за 1979 г. помещена статья Марцинковского, порочащая советский строй. (Приводит выдержки из статьи, где говорится о возвращении иудеев в свою землю.)

Г. И. Юдинцева

Юдинцева: Я не считаю себя виновной в том, что в своё время Бог будет возвращать Израиль в свою землю.

Судья: Марцинковский клеветал на советский строй.

Юдинцева: Марцинковский писал в годы после революции, жил не в нашей стране, и обвинять его в том, что он антисоветчик, нельзя. Я его знаю как брата по хорошим статьям.

Судья: Международная амнистия защищает вас. Вот ходатайства верующих Англии, Франции с тысячами подписей. Они требуют отпустить печатников и Кабыша, вернуть христианскую литературу, краску, оборудование. Как они узнали о вас?

Юдинцева: Молодцы, что узнали.

Судья: Непосредственным руководителем в вашей работе были вы?

Юдинцева: Мы, дополняя друг друга, обходились без начальников.

(На лице представителей судебной коллегии нескрываемое удивление.)

Судья: Как вы могли работать без начальника? Это же производственный процесс! Вы выпускали литературу в тысячах экземплярах!

Юдинцева: В христианской типографии это совсем не обязательно.

Прокурор: На какие средства вы жили?

Юдинцева: «Трудящийся достоин пропитания», — сказано в Евангелии. Голодной и раздетой не была, но и большего не имела.

Общественный обвинитель: Какие культурные учреждения вы запомнили в городе?

Юдинцева: Больше всего — Днепропетровскую тюрьму, в которой просидела семь месяцев.

Судья: Какую работу выполняли ваши друзья?

Юдинцева: Говорю только о себе.

Прокурор: Почему из Горького вы приехали именно

в Днепропетровск? Что привлекло: климат или удобнее подвозить литературу?

Юдинцева: О работе в христианской типографии отвечать не буду. По Конституции церковь отделена от государства. Осталось только разделить государство от церкви.

(В зале шум, возгласы: «Ишь, чего захотела!»).

Прокурор (насмешливо): На какие средства ездили? Вам ведь не только на трамвайчик надо, но и на питание.

Юдинцева: Издательство содержится на добровольные пожертвования верующих. Поскольку церковь отделена, то государство сказало церкви: «Ты отделена! Существовай, как знаешь, на свои средства...» И как церковь употребляет их — это её внутреннее дело.

ДОПРОС КОСАЧЕВИЧ ЛЮБОВИ

Л. М. Косачевич

Судья: У вас есть что сказать по делу?

Косачевич: В первую очередь я верующая, а потом — сотрудница издательства «Христианин». С тех пор, как начался мой труд в издательстве, — с того момента моя жизнь отдана Богу.

Прокурор: Вы симпатичная девушка. Вам нужно идти в ногу с модой.

Косачевич: Я отдала свою жизнь на служение Богу, и мода в сравнении с Ним — это так мелко!

Меня обвиняют в том, что якобы я занимаюсь запрещённым промыслом из корыстных целей. Когда ради труда я оставила дом, родных, церковь, то знала, что меня ждёт. Знала, что в конце концов это может закончиться тюрьмой. Если считать тюрьму корыстью, то можете считать, что я занималась запрещённым промыслом.

Судья: Так вы знали на что шли?!

Косачевич: Да, знала.

Судья: В статьях, напечатанных вами в журнале «Вестник

истины», содержатся клеветнические измышления.

Косачевич: Я отвергаю это обвинение, так как литературу просматривал эксперт неверующий.

Мамонтов (с возмущением): Я же имею высшее образование!

Косачевич: Но не богословское, поэтому вы не можете правильно судить о духовной литературе.

Труд для Господа очень и очень дорог для меня, и если нужно, я готова и жизнь отдать за Христа. Это не пустая фраза, и я не хочу, чтобы вы восприняли её как громкие слова.

(Зал затих. Послышался женский возглас: «Слава Богу!».)

ДОПРОС СЕРГЕЯ БУБЛИКА

Судья: Говорите по существу дела.

Бублик: 19 января меня арестовали в доме Заплавы. Этот факт признаю, но виновным себя не считаю, я всё делал не с целью наживы, а чтобы удовлетворить нужду народа Божьего. Работа в издательстве «Христианин» не является источником дохода, потому что литература, издаваемая нами, распространялась безвозмездно. Я и мои друзья не имели никакого дохода. Мы издерживали себя.

Клеветнических измышлений в нашей литературе нет. В ней приведены лишь действительные факты. (Перечислил несколько фамилий узников, осуждённых за веру в Иисуса Христа.)

Прокурор: Серёжа, как ты, живя в Ростове, приехал в Днепрпетровск и вдруг нашёл своё издательство?

Бублик: Конечно, если бы я ехал наугад, то не нашёл бы. Я знал нужду верующих в духовной литературе и поэтому искал возможность потрудиться.

Прокурор: У тебя обнаружены 273 рубля. На сколько они даны — на месяц, неделю, день?

С. И. Бублик

Бублик: На сколько хватило бы.

Общественный обвинитель: В 1961 г. произошло в церкви разделение, раскол. Тебе тогда было три года! Что ты мог знать?

Бублик: В 1917 году меня не было, думаю, и вас тоже. Но о том, что произошла революция, нам хорошо известно.

СВИДЕТЕЛЬ БЕЛОКОНЬ ПАВЕЛ

Судья: Знаешь подсудимых?

Белоконь: Знаю как верующих: добросовестных, честных, трудолюбивых.

Судья: Что знаешь по делу?

Белоконь: 19 января при обыске у меня забрали много духовной литературы, часть её лежит на вашем столе, а также кинопроектор, позитивы, магнитофон «Весна».

Судья: В чем разница зарегистрированных и незарегистрированных?

Белоконь: Это внутрицерковный вопрос, и верующие его решат, но не здесь, на суде.

Судья: Ты пошёл по следам отца. Можешь быть свободным.

СВИДЕТЕЛЬ ШПИКАЛО

Судья: У вас собрания проводятся?

Шпикало: Проводятся.

Судья: Кто вам разрешил?

Шпикало: Мы Богу посвятили себя и свой дом.

Судья: Вы же соседям мешаете!

Шпикало: Со стороны одного соседа — глухая стена, с другой — стоит только открыть форточку, сосед направляет два динамика проигрывателя, приходится форточку закрывать.

Судья: Сколько раз вас штрафовали за нарушение законодательства! У вас дом не зарегистрирован! Почему вы продолжаете собираться? Сколько мы вас терпеть будем?

Шпикало: Прошу терпеть столько, сколько Бог и вас, и нас терпит.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО Н. И. КАБЫША

Меня обвиняют в организации библейских курсов. Я это отрицаю, хотя не скрываю своего участия и заинтересованности в этом. Считаю, что для изучения Слова Божьего нужно предоставить свободу, а материал, изъятый при обыске, вернуть. Как кандидат в члены Совета церквей в работу издательства «Христианин» не посвящён. Меру наказания предоставляю суду.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО Л. КОСАЧЕВИЧ

Благодарю судебную коллегия за терпение. Благодарю всех родственников и друзей по вере за молитвы, возносимые о нас. Мы особенно благодарны Богу, что Он слышал ваши молитвы и поддерживал нас.

Я очень люблю жизнь, люблю синее небо, люблю горы, распускающиеся почки на деревьях... Люблю дождик, цветы, люблю общение с друзьями, но больше всего я люблю Бога, и ради труда во имя Его я отказалась от всего. Вера без дел мертва. Свою веру я подтвердила делами. В книге Деяния Апостолов есть такие слова: «И призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога?»

Судья (перебивая): Покороче, пожалуйста.

Косачевич: Я заканчиваю. В Москве есть памятник первопечатнику Ивану Федорову, на котором высечены такие слова: «Ради братьев моих, ради ближних моих». Хочу, чтобы эти слова были эпитафией каждого дня моей жизни. Издательство «Христианин» существует 10 лет. Нас арестовали, но дело продолжается. На наше место стали новые труженики. В Евангелии написано: «Если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться богопротивниками!»

Всем присутствующим в зале суда на память оставляю слова: «Я славлю отчизну, которая есть, но трижды — которая будет!» Хочется, чтобы эти слова исполнились в нашей жизни. А друзьям пожелаю: «Сейте разумное, доброе, вечное! Сейте!.. Спасибо вам скажет сердечное русский народ».

Я готова принять любое наказание.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО Т. БЫСТРОВОЙ

Меня судят как верующую. В раннем возрасте я видела недостаток духовной литературы у верующих, сама нуждалась в ней. Это и побудило меня впоследствии стать сотрудницей издательства «Христианин».

Литература, выпускаемая нами, носит чисто духовный характер и никаких клеветнических измышлений не содержит. Никаких корыстных целей мы, как печатники, не преследовали.

Любой срок приму как от Господа.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО Г. ЮДИНЦЕВОЙ

Меня судят прежде всего как христианку и как сотрудницу издательства «Христианин». Ею стала из добрых побуждений во исполнение евангельского стиха (Матф. 19, 29): «Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или зéмли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную».

Так я и сделала: оставила родных, квартиру, удобства этой жизни. Я желала трудиться, но не знала, как и на что я способна. Молилась об этом Господу. Когда меня пригласили на труд, я была счастлива! Я отдала этому делу жизнь, здоровье и среди многих лишений делала это бескорыстно. Я счастлива, что могла быть полезной.

Нелегальность нам не нужна. Это вынужденная мера. Если существуют затруднения в достатке литературы, то издательство с этим справится. Вы сами в том убедились.

Неподцензурность должна быть — это наша программа. Считаю себя обязанной исполнять гражданские законы,

кроме вопросов веры, которую я должна сохранять и утверждать даже в трудных обстоятельствах.

Приговор суда приму как определение от Господа и с Ним радостно понесу крест.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО СЕРГЕЯ БУБЛИКА

Я нахожусь перед судом как христианин и как сотрудник издательства. Да, я действительно печатал духовную литературу, но виновным себя не признаю, так как делал это без корысти, имея одну цель: восполнить нужду Божьего народа и прославить своего Господа. Трудился добровольно. Готов принять любое решение суда как от Бога. Прошу после суда разрешить мне свидание с родными.

ПРИГОВОР:

Подсудимым предъявлено обвинение по статьям: 138 ч. 2; 148 ч. 2; 187 ч. 1; 187 ч. 3; 209 ч. 1 УК УССР и оглашён приговор: Н. И. КАБЫШ — осудить на 3 года строгого режима. Т. В. БЫСТРОВА, Г. И. ЮДИНЦЕВА, Л. М. КОСАЧЕВИЧ и С. И. БУБЛИК — на 3 года общего режима с отбыванием в исправительно-трудовых учреждениях.

Срок я отбывала в Камышловском районе Свердловской области станция Аксариха посёлок Восточный. Тамара — в Челябинске, Люба — в Чувашии, Сережа — в Тулуне Иркутской области.

Камышлов — один из пунктов печально знаменитого сибирского тракта, по которому гнали кандалников в царской России.

Рядом не поставишь

На суде присутствовали два эксперта по офсетной печати. Им поручили запустить конфискованную у нас печатную машину и отпечатать какой-то текст. Во время процесса они сидели неподвижно, словно мумии, и сосредоточенно слушали.

Им, знакомым с печатным делом, нелегко было настроить нашу самобытную портативную машину с двухсторонней пропечаткой листа. Мы же оба красочных аппарата, верхний и нижний, сняли. В добавление ко всему у нас — ручная подача бумаги. Это не каждому по плечу.

«Долго мы с вашей машиной возились, пока наладили...» — попытался похвалиться прокурор.

«Да не сделали вы, как надо, ничего!» — подумала я.

Судебной коллегии они передали всего один отпечатанный ими листок, да и тот весь замаранный. Судья пустил листок по залу. Сопоставляя его с нашей печатной продукцией, женщина адвокат вздохнула: «О! их рядом невозможно поставить!»

Коварство гонителей

Перед арестом нашей печатной точки чекисты выследили местных тружеников — они печатали «синькой» тоже в Кодаках, но на другой квартире. Им пришлось бросить бумагу и убежать — никого из них не задержали, но недругов они встревожили.

В добавление к этой напряжённости, как уже упоминалось, в Днепропетровске обнаружили библейские курсы. Однако дело завели только на Николая Ильича Кабыша и местного пресвитера.

Он — в годах, раньше уже отбывал срок. В тюрьме заболел. В этот раз чекистам удалось его запугать.

Незадолго перед этими тревожными событиями арестовали М. И. Хорева. Наше дело и его велось почти одновременно. У Михаила Ивановича нашли записку: «Запад нас не поймёт. У них свои строгие законы в отношении одежды. Они с нами могут не согласиться...» Здесь имелось в виду совещание служителей Западно-Украинского объединения, где решался этот вопрос, а не Запад, не заграница.

«Так у вас с Западом связь? — обрушились работники КГБ на местного пресвитера. — Вот даже открытка пришла с За-

пада!» (Николаю Ильичу Кабышу в связи с его арестом могла прийти ободрительная открытка от западных друзей.)

Пресвитер смутился: «Нет-нет! С Западом у нас нет никаких связей...»

«Вот и напиши, что сказал», — искусно расставили сеть компетентные Органы, чья служба и состоит в том, чтобы эти сети не пустовали.

Он написал и поставил подпись. Ему ещё какие-то требования предъявили и запутали окончательно, а потом для вида пожалели: до суда позволили жить дома.

Начался суд, его посадили не за решётку, как нас, а в зале, на первую скамейку. Возможно, наши смелые ответы не прошли для него бесследно. Ведь благодать Божья воочию была над нами, она незримо присутствовала в зале. Мы молились. Родственники к нам приехали, молились. И пресвитер захотел отказаться от своих слов.

Судья зарычал на него, как лев на овечку: «А почему ты в зале сидишь, а не с ними?» — указал он на скамью подсудимых. То есть дал ему понять: «Ты уступил! Ты с нами согласился, а теперь назад?» Нам стало жаль его.

Позже он с горечью признавал: «Я всё потерял...» Восстановился он или нет, не знаю.

Три желания

У нас было три единокордных желания:
получить одинаковые сроки заключения,
встретиться на суде с родными,
после суда вместе побыть в камере.

Господу угодны были наши просьбы. «Желание боящихся Его Он исполняет...» (Пс. 144, 19).

Судили нас по групповому делу. Чтобы в таком случае всем дали одинаковый срок — редкое явление. Люба Косачевич проработала в издательстве два месяца, да и то на кухне. Как она старалась всё брать на себя — это надо было видеть!

С нами судили Николая Ильича Кабыша и грозили лишить его свободы на 10 лет (пять лагерей и пять ссылки), а он получил, как и мы, три года!

Люба радовалась: «Самые счастливые — это Н. И. Кабыш и я! Мне не меньше всех дали, и ему не больше! Господу всё возможно!»

Это — не моё

Сразу после суда я много свидетельствовала о Господе находящимся в камере. Бог давал нужные слова. Река благодати лилась потоком — раньше такого я не испытывала. Это — не моё... Господь возвеличился через мою немощь.

Женщины останавливали: «Хватит! Оставим хорошие разговоры на воскресенье». А назавтра, смотришь, ситуация изменилась, ни одного слова о Боге не произнесёшь — стукачество сделало свою недобрую работу. Люди боятся слушать, опасаясь личных неприятностей.

Я поняла: говори, пока Бог посылает возможность. «Вот я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить её (Откр. 3, 8).

Томление по работе

«Пока сижу в тюрьме, — приказала сама себе, — плакать не буду».

На сердце никогда не приходила скорбь, тоска или печаль. Мы (я имею в виду нашу группу подсудимых) просто блаженны были, потому что страдали за Божье дело.

Есть тоска по красоте, по цветам, но она не мучительная, не повергает в депрессию, не убивает дух. Сердце сжимало лишь томление по работе. Мы же не только печатали, но и лабораторные работы выполняли, множество рейсов предпринимали, чтобы всё завезти на точку. При этом никакие неудобства, непредвиденности, болезни или усталость не приводили в уныние, не заволакивали кручиной. Очень давно и очень просто выражено словами: «Кто в радости сердца живёт, того

и кручина неймёт». Радости нашей в Боге никто и ничто не в состоянии отнять.

Бывало, готовимся для нового тиража, грузим машину. Всё надо делать быстро и бесшумно, потому что привлечь внимание посторонних никак нельзя. Ночь непроглядная, хоть глаз коли. Устали, неплохо бы отдохнуть, но опасно: машина не местная, возбудит любопытство, жители склонны доискиваться кто да что. Отправляемся. Путь дальний. Водитель от усталости засыпает. Съехали с трассы на обочину, разложили сиденья. Темно. И вдруг стук в окно. Милиция.

«Кто вы? Куда направились?»

Водитель проснулся. Объяснил: «Ехали к родственникам, да припозднились, ждём утра».

Бог помиловал, документы не проверили.

«Нельзя при включенном двигателе спать», — предупредили сочувственно.

Мы слышали, как люди угорали в машине от выхлопных газов, несмотря на то что предупредительно останавливались против ветра. Ночью ветер поменял направление — и весь газ пошёл в салон...

Поблагодарили Бога и поехали. После непредвиденной встречи было уже не до сна.

Изнурительные этапы

Дни в тюрьме идут, кажется, утомительно долго, но пролетают стремглав, сгорают, как искры от костра. Действительно, с одной стороны, время несётся там стремительно и не предполагает быть издерживаемому попусту, а позволяет только то, что предписывает незамысловатый распорядок дня: подъём, завтрак, прогулка, обед, ужин, отбой. С другой стороны, это же самое время ползёт удивительно медленно: думаешь, уже месяц прошёл — но нет, всё ещё неделя тянется, и конца этой тюремной монотонности не видно.

Но вот загремел в двери надзирательский ключ и — как

бы раздвинулись каменные стены: «Фамилия? Имя-отчество? Год рождения? Статья? Срок? С вещами!» Тебя вырвали на этап. Будто вольный ветер подул! Но до воли далеко.

Из тюрьмы привезли на станцию, вывели из "воронка", построили по двое — и в вагон. Если место досталось на нижней полке, сколько суток едешь, столько будешь сидеть. Если досталась вторая, будешь лежать, пока не приедешь. Спускаться можно только, если чай разносят или поведут в туалет. А коль уж на третью полку попал — там на двух полках размещают четыре человека. Лежат вальетом, головами в разные стороны.

Летом крыша вагона накаляется от солнца нестерпимо, пот течёт по телу струйками. Дышать нечем. Одним лёгким дышишь. Стараешься не шевелиться, чтобы не потеть. И вот так лежишь час и два, и полдня, сутки, и вторые, пока тебя везут.

Иногда загружат людей в вагон и не отправляют. Томишься день, ночь — пока поезд тронется. И льётся с тебя влага, обезвоживая организм, жизненные процессы прекращаются, и ты потихоньку умираешь. При мне редко умирали. У людей неугасимая жажда к жизни, к свободе, хотят выжить и выйти на волю.

На этапах, конечно, лучше пребывать в посте: не есть и не пить. Потому что в туалет тебя поведут, когда не хочешь, а когда надо — никто не исполнит твою просьбу. А если поведут, идёшь через весь вагон, а за решётчатой перегородкой, отделяющей коридор от купе, — лица, лица, лица, и все: «У-у-у!» Мужчины улюлюкают, глумятся, изощрённо издеваются — женщину увидели.

Туалет сам по себе нормальный, только в двери — квадратное отверстие для наблюдения, и солдат, который тебя привёл, стоит напротив дверного оконца.

Долго я ехала этапом к месту назначения: Днепропетровск — Харьков — Свердловск — Аксариха, посёлок Восточный. Две недели скиталась в пересыльной Харьковской тюрьме «Белый лебедь», три недели в Свердловской.

И осуждена-то я была на небольшой срок: всего три года. Однако 21 раз ехала в столыпинском вагоне, 7 раз прошла через Свердловскую пересылку. В нечеловеческих условиях пришлось выживать. Иногда, казалось, вздохнула последний раз.

Глухой ночью завели как-то в камеру одной из пересыльных тюрем. Все спали, видимо, тоже с этапа прибыли. Свободное место или у порога, где все через меня будут перешагивать, или — у туалета. Засунула матрас под койку, и никто по мне не ходил. (Мужчины считают это унижением.) Там я молилась лёжа, там размышляла и утешалась, никто не мешал, и я никому.

В другой раз досталось место на втором ярусе у форточки напротив туалета. Зловонный ядовитый воздух словно ободрал мне не только горло, но и все бронхи до самых лёгких.

Душегубка, а не душ

В Свердловской тюрьме прибывших этапом непременно ведут в душ и включают такую горячую воду, что рука не терпит. В помещении дышать нечем — жар стоит, как в парной на самой верхней полке. Душегубка, а не душ. Заключённые жмутся к стенке, ловя рукой обжигающие струи. Остужают в руке и стараются хоть чуть-чуть смыть с тела этапную грязь. Но никому не удаётся вымыться горячей водой — какие вошли, такие и вышли.

А вышли-то в малюсенькое помещеньице, где даже пол горячий. Задыхаешься. Дышишь не воздухом, а обжигающим жаром. Кажется, ещё немного — и смерть, сердце не выдержит. «Господи, дай воздуху. Хотя бы на пять минут продли жизнь, чтобы не радовался исконный губитель...» И, о чудо, — не умерла, жива! Слава Богу.

Цель врага душ человеческих — смутить христианина в страданиях и лишить Божественных преимуществ блаженства изгнанных за правду.

В сердце я положила: никому не показывать, что мне тяжело. По натуре я робкая и даже боязливая, но с моего лица не сходила улыбка — Господь этому способствовал. Это великая милость Божья ко мне. Сердце моё никогда не посещала тоска. Я постоянно улыбалась.

Жизнь в зоне

Как ни мучительны были мытарства по пересылкам, им наступил конец. Нас выгрузили на станции Аксариха Камышловского района. До лагерного посёлка Восточный, где предстояло коротать трёхлетний срок, километра четыре.

С поезда в зону доставляют тоже в "воронках". Я спрыгнула с вагона и встала рядом с другими зэками. Раздалась команда, и колонна тронулась к машинам. В Восточном три мужские зоны и одна женская. В каждую направлялось по "воронку". Конвой один.

Первыми развозили мужчин и в последнюю очередь нас, женщин. Машины шли вереницей друг за другом по отвратительной кочковатой дороге, то и дело подпрыгивая на ухабах. Нас бросало из стороны в сторону. Под ногами у каждой сумки, удобно не станешь. Держаться не за что. На выбоинах подбросит вверх и тут же шлёпнешься вниз. Не успеешь прочно стать, как на крутом вираже бросает на соседей. Меня начало мутить, нестерпимая боль открылась в желудке и в кишечнике. Удары сердца отдавали в голову.

Время уже не просто тянулось, а казалось, совсем остановилось. Холодно. Все замёрзли. К тому же в удушливой тесноте "воронка" зэчки без перерыва курили. Дыши чем хочешь.

В камерах курят, но не так, как на этапах и в "воронках". Я долго терпела, собирала последние силы и вдруг почувствовала, что во мне что-то лопнуло, меня закачало. Трудно объяснить что́ произошло и по какой причине. Такого никогда не было, даже при самых сложных условиях конспирации. Теперь же после следственной тюрьмы по непонятной для меня

причине физическая сила быстро оставила меня, координация движений нарушилась.

Тем не менее нужно было всё стерпеть и не позволить слабодушно опустить руки. Потому что именно в такой момент, когда ты болен, устал, когда особенно нуждаешься в передышке, норвят навязать тебе самое большое испытание — проверить на прочность в вере. Именно в такой момент торопятся принудить тебя пойти хотя бы на небольшую уступку в твоих евангельских принципах, чтобы приучить к мысли, что надо идти на компромисс. А потом ты будешь готов на большее.

В зону посёлка Восточный я привезла тетрадки с переписанным в тюрьме Евангелием. Их в первый же день нашли. Отняли. Вызвали «на ковёр». Ругали. Стыдили. Позорили.

«Эту писанину сжечь надо!» — распорядился начальник отряда.

Сердце заболело — сжечь?! Не объяснить словами, насколько дорого в тех условиях Слово Божье.

Пошла искать начальника отряда. Один раз его видела, но фамилию запомнила. Хожу по коридору в управлении.

— Вам кого?

— Мне бы такого-то...

— Сейчас придёт.

— Что случилось? — осведомился он ещё в коридоре, а потом пригласил в кабинет.

— Об отнятых тетрадках хочу сказать: вы — неверующий, эти записи для вас ничего не значат. А для меня — великая драгоценность... Зачем сжигать их?

Он посмотрел на меня внимательно и ушёл, а когда вернулся, утешил: «Никто их сжигать не будет. Положу в сейф. Когда освободишься, возьмишь».

Сдержал слово. Отдал, когда уходила домой. Я оставила их в зоне тем, кто попросил.

После недельного карантина вручили нам постельное бельё, эковскую одежду, матрас и распределили по баракам и бригадам.

Первое время я работала на раскройке спѣлковых рукавиц (спѣлок — спиленный слой кожи). На лицевой стороне шаблона рукавиц — отверстие для большого пальца, обратная — сплошная. Прижимаешь металлический шаблон к замше, но так, чтобы не растянуть ткань, и остро заточѣнным ножом (на кончике он тонкий, как шило), обводя, режешь.

Ножи из полотен пилы по металлу нам выдавали. Они стальные, закалѣнные, долго не тупятся. Как бы ловко и осторожно ни резал, нож срывается и — по пальцу. Раны от порезов глубокие, болят. За неделю почти все пальцы в ранах. Руки опухали, краснели. Бог послал мудрость лечить их горячей водой в банный день. Пропарю раны, к понедельнику, глядишь, зажили без лекарств. Приходилось только удивляться и благодарить Бога.

Бригадир из осуждѣнных по какой-то причине располжилась и походатайствовала перед начальником, чтобы меня перевели в швейный цех. Шить всё же легче, чем кроить замшевые рукавицы.

Баня в зоне через 10 дней, тогда и бельѣ постельное меняют. Крыто, таз дают. Порошок твой, мыло твоѣ.

В первый год пребывания в зоне были проблемы с баней: сломался насос. Струйка горячей воды еле текла, а холодной вообще не было. Женщины договаривались: одна нагребает снег, вторая ждѣт, пока натечѣт в таз кипятка. Высыплешь в него снег и одним тазом воды помоешься. Снегу можно ещё набрать, но раздетой — кто пойдѣт на мороз?!

Заклѣченная постирала тёплые носки и, читая книгу, сидела рядом, стерегла. Украли и не заметила когда. Дело обычное: «для чего не воровать, коли некому унять». Возмущаться и плакать бесполезно.

У меня за три года ничего не пропало. Для кого-то это покажется незначительным, а для меня — чудо! Охрана Господня была надо мной и моими вещами.

«Ну и цепкая же ты!»

Заключённые женщины жестокие. Если разоблачат «стукачку» (кто работает на администрацию), избивают безжалостно. Одна после побоев посинела от кровоподтёков. Но выжила.

В зоне я вела независимую жизнь, кое-кому это не нравилось. Дважды нападали на меня.

Православная женщина по кличке «боксёр» настаивала:

— Ты верующая и я. Давай держаться вместе.

— Не получится у нас...

— Мы же верим одному Богу!

— А служим Ему по-разному.

Она возмутилась и всем видом дала понять: тебе это даром не пройдёт. А сама коренастая, плечи широкие, кулачища мужские. На свободе работала грузчиком в магазине. Мешки с мукой 70 кг, с сахаром — 50 кг (раньше такой фасовки не было, как теперь, — 25 кг) для неё, натренированной, не представляли особой тяжести.

Как-то она застала меня в умывальнике одну. И сразу схватила за рукава и со всей силы принялась швырять то вправо, то влево. Короткая молитва: "Господи, помоги!" — но как быстро Отец Небесный отвечает! Крепко держась за рукава её спецовки, я неотрывно оставалась с ней, словно приклеенная. Бросить меня на пол у неё не получилось. Я не поддавалась. Убедившись, что из её нелепой затеи ничего не вышло, она остановилась, нехотя опустила руки, бросила исподлобья презрительный взгляд и зло произнесла: «Ну и цепкая же ты, как кошка!»

С тех пор она меня уже не замечала.

В зоне всех заключённых заставляли идти в клуб на политзанятия. Не ходила. Ругали. Но когда была уставшая, с удовольствием там высыпалась. В кино, бывало, насильно гонят, под руки берут и тянут за собой, и там тоже хорошо спится.

Милиционеру понравился дом

В зоне отбывала срок православная женщина (матушка). Её мужа (батюшку) тоже лишили свободы. За что? Участковому милиционеру понравился их дом. Чтобы его отнять, сфабриковал дело: якобы «в частном доме совершались богослужебные обряды (требы)». Дом конфисковали, отдали милиционеру, а невинных хозяев упрятали за решётку.

Матушка преклонных лет весь срок пребывала в подавленном состоянии. Приблизилось время освобождения, от неё потребовали подписать какую-то бумагу, иначе, мол, домой не отпустят.

— Мне нужно с тобой поговорить... — позвала она робко. — Что делать?

— Вас за что лишили свободы? За имя Бога?

— Да, милая. Преступлений у меня нет.

— Никаких бумаг не подписывайте. Никуда они не денутся, всё равно освободят. Причём тут бумажки и Бог? — воодушевила я уставшую престарелую женщину.

— Спасибо, спасибо!

Кончился срок, её выпустили. Не видела я, как она уходила, потому что лежала в больнице. Но всё же потом узнала: не написала матушка заявления на помилование, не признала себя виновной. Бог защитил её, она вышла на свободу с чистой совестью.

В больнице Нижнего Тагила

Со временем ко мне исподволь стало возвращаться то, что случилось по дороге в лагерь: нет-нет — опять пошатывало, а если стою — покачивало из стороны в сторону. Какой-то невидимый, но тяжёлый туман облегал и сдавливал тело. Я чувствовало только это сжатие, не сразу даже понимая, что именно не даёт простор твёрдо стоять или ходить. И рука нет-нет да ослабнет, невольно подкашивалась. Потом всё больше и больше. Мне бы надо было серьёзней

обратить на это внимание, а я ничего не предпринимала.

В зону приехал главный врач проверять здоровье заключённых. Была и я на приёме. Меня сразу направили в тюремную больницу Нижнего Тагила. Нашлись ещё больные, и повезли всех на станцию.

Приехали на зону в Нижний Тагил, пришёл конвой (женщины) и нас повели. Иду со всеми и удивляюсь: почему это они не прямо идут, а виляют туда, сюда. А сама отстаю, всё медленнее и медленнее переступаю. Все уже вперёд ушли, я последняя плетусь. Надзорки за мной встали, сзади идут, меня поддерживают. Оказывается, не женщины виляли, а я зигзагами туда, сюда шаталась. Пришла — уже и стоять не могу.

Час ночи. Не помню, дали что-то кушать и пить или нет, но я скорее спать легла. Видимо, нас некуда было поместить среди ночи, завели в какое-то нежилое помещение. В нём мы улеглись прямо на полу. Я выпалась, стало легче.

В больнице питание хорошее, самочувствие улучшилось.

Но вот принялись лечить желудок электрофорезом. Вроде и безобидное дело, но после него меня снова стало раскачивать.

Стояла я как-то в очередь за чем-то, прислонилась к стенке, покачиваюсь. Невропатолог шла мимо, увидела и говорит: «Наверное, я тебя к себе возьму». Так я попала под наблюдение невропатолога. Она советовала: «Ты крепись, чтобы эта неустойчивость не стала постоянной, а то всю жизнь будешь качаться».

Потом мне сделали новокаиновую блокаду, обезболивающую. Новокаин на меня бедственно действует. Всё поплыло перед глазами, предметы стали неразличимы. Медперсонал забегал, поняли, что-то не так:

— Что случилось?

— Новокаин... — еле пошевелила я бледными, омертвелыми губами.

— Всё! Отменим, отменим.

Я потеряла сознание.

Процедуру отменили.

Спала я потом сутками. Выспалась, опять всё прошло. Стало будто лучше. Слава Богу!

Вновь больница

Мало-помалу оправилась я от непонятного нездоровья и возвратили меня в лагерь, в посёлок Восточный, а через время из большой секции (на 70 мест) нас перевели в меньшую — на 40. Пришла туда, а моё место занято.

«Я отсюда никуда не уйду!» — категорически заявила заключённая. Не уступает место. Не буду же я с ней воевать. Придут надзиратели и разберутся.

Положила я матрас в проход и села.

Надзирательница: «Ты чего сидишь?» — «Видите, занято».

Пошла разбираться. А там как? — надзор не слушаешь, значит, собирай вещи и уходи. Заключённая всё же уступила место, ушла. Слава Богу, беззлобно и без недоброжелательства.

Между тем, пока выясняли, утрясали, время не стояло на месте. Наверное, полдня я просидела на матрасе на полу, а ведь с дороги, уставшая. Ещё в вагоне заметила, что самочувствие ухудшилось. К тому же со станции в зону четыре километра вели пешком, машину не всегда подавали.

И вновь что-то нарушилось. Хотя в ситуации с занятым местом я оставалась спокойной и не расстраивалась — ко мне вернулась прежняя шаткость, неустойчивость.

На работу выходила, собирали шнуры к электроплиткам. Пока сижу — всё в порядке, встану — твёрдой опоры нет. Ничего не болит, а ноги не держат.

Меня опять отправили на лечение. На сей раз в спецбольницу — психиатрическую. Таких было несколько по стране: в Ленинграде, Казани, Рыбинске и ещё одна в Сычёвке для хронических больных. Объясняли решение просто: мол, есть такой закон — попадаешь второй раз к невропатологу — от-

правляют в психбольницу. Помещать умственно здорового человека в психушку — несомненно чудовищно. Однако это никого не заботило. Карательная политика властвующего атеизма не знала предела и обогатилась ещё одной деспотической директивой. Что я могла сделать? Ровным счётом ничего! Этой тропой бесправия прошли многие мои братья и сёстры по вере, оставив пример верности и непоколебимого упования на Бога.

Снова изнурительный этап. Сначала одна-две недели в уже знакомой пересыльной тюрьме Свердловска. Оттуда — в Киров, потом конечная точка — Рыбинск (психбольница для заболевших в лагере).

В Кирове я с великим удовольствием мыла с больными зэчками полы в тюрьме, чистила окна. Впервые за всё время моего узничества здесь дали настоящий ржаной хлеб.

Заключённая похвалилась: «Если буду делать преступления, то только в Кирове. Здесь хорошо кормят».

Помимо ржаного хлеба выдали ещё по две скумбрии без головы и на время карантина поместили в трёхместную камеру. Одна над другой три полки вдоль стены. Железная дверь — непробиваемая, на случай, если психически больные буянить начнут. Нас же везли в Рыбинск как психически больных.

А женщины со мной — настоящие одержимые были: голоса слышали, им всё время кто-то являлся. Я с ними обращалась по-человечески, с уважением. Женщину постарше положила на лучшее место — внизу, помоложе — на второй ярус, а сама — на третий. Лестницы нет. Карабкайся как умеешь. Руки у меня сильные, расставляю в стороны, о стенку обопрись, ногой оттолкнусь и на третью запрыгивала.

Утром заточённой ложкой разрезала рыбу, хлеб и, как положено, делила всем по кусочку.

Вот в Рыбинск. В сущности, здешняя спецбольница, как и всякая другая спецпсихбольница, — обычная тюрьма, с решётками, колючей проволокой, забором и охраной. Да помимо всех прочих тюремных невзгод, тебе причитается

испытать ещё и "прелести" психиатрической лечебницы: принудительное лечение, побои и полное бесправие. Жаловаться бессмысленно: любое заявление рассмотрят как доказательство твоего безумия. Кому докажешь, что ты здоров, когда сверху предписано причислить тебя к отряду психически ненормальных?

В камере холодно. Даже очень. (В психушке ведь не палаты, а камеры.) Если подует ветер с Рыбинского водохранилища, не знаешь, как согреться. Я там сильно промёрзла в первую, предварительную неделю. Щели в окнах в палец толщиной. Воткну бумажку в щель, — холодная струя поменьше станет. Тряпочку какую-нибудь найду, её прилажу — всё меньше дует.

Уборщица (вольная женщина) заметила, что меня мучает холод, на ночь оставляла фуфайку: «Бери, ты мёрзнешь, а утром я приду на работу и возьму...» — «Спасибо». Бог расположил её сердце и сохранил мне здоровье.

После карантина вызвали меня к врачу. Зашла в кабинет.
— Здравствуйте!

Как уж там я это «здравствуйте» произнесла, не знаю, но он бросил на меня быстрый острый взгляд и строго спросил:
— Ты зачем сюда приехала?

Что за вопрос? Говорю:

— Ну, вы знаете моё положение. Посадили в вагон и привезли.

— По моей части у тебя нет заболевания. Ну, что с тобой делать? А может, ты сама "косишь"? Может, тебе это надо?

Последние слова он произнёс медленно, пристально глядя мне в глаза.

— Ой, нет. Я верующая, обманами не занимаюсь.

— Тогда ладно. Но раз уж привезли, всё равно придётся тебе здесь лежать. Впрочем, я не буду долго держать, по возможности самый малый срок, и выпишу тебя.

— А сколько это «малый срок»?

— Месяца два.

Сердце похолодело. Думаю: ничего себе! Целых два месяца!

— Но я не буду тебе лекарств особых назначать. Ты что там принимала?

— Элениум.

— Вот элениум и пропишу.

В психушке дадут таблетку и наблюдают, чтобы обязательно выпил. Заключённая (та, что голоса слышала), пожаловалась: «Мне ведь горсть таблеток дают, и в один приём заставляют выпить. Ты молись за меня... Напиши там...».

Так начались мои нелёгкие будни. Меня сразу поместили в рабочую камеру, мы там клеили пакетики для линз очков.

Нина, сестра моя, послала телеграмму в правительство, о том, что меня «незаконно в психушку отправили». Но, как известно, ответ был один: «Все законно. Оснований для жалоб нет».

Тягостная экскурсия по психбольнице

Однажды в больнице появилась неизвестная женщина. Властно взяла меня за руку и повела по камерам.

— Ты кем на свободе работала? Священником? — спрашивала, но так, что не было вопроса в её вопросе. Она будто провоцировала меня на несоответствующий ответ, а может, действительно желала убедиться в моём нормальном рассудке.

— Нет.

— А чем занималась? — настойчиво допытывалась.

Молчу. Она ещё что-то спрашивала. Я молчала. Не было расположения отвечать.

Женщина вела дальше, в другие камеры, Завела в одну, а там больные испражняются и это всё в карман кладут или под подушку суют. Оторопь берёт от увиденного.

— Что ты наложила?! Ну-ка вынимай! — брезгливо кричала неизвестная. Больные слушались.

Крепко держа меня за руку, она вела в следующие камеры посмотреть на всё, что делают безумные люди. Я шла молча. А она не унималась, всё твердила начальническим тоном:

— Так что ты там делала?

Опять молчу. Ни о чём не говорю.

В другой камере больная тапок в зубах держала; кто-то сам с собой разговаривал. Буйные лежали привязанные к кровати.

Я всё безмолвствовала.

Говорят, «за молчанье гостинцы дают». Не знаю. Гостинца не досталось, но она перестала вопросы задавать. Тягостная экскурсия закончилась. Так я и не поняла с какой конкретной целью её устроили.

«Нет ничего нового под солнцем» — заметил мудрый Екклесиаст (1, 9). Нет также и ничего вечного на земле. Кончили лечение, и меня вернули на прежнее место, в тот же лагерь в посёлке Восточный, отбывать положенный срок.

Жизнь продолжается

В больницах я писем не получала. Они приходили на зону. Там отдавали. При этом все мои письма начальник отряда забирал к себе. Придёт почта, а мне заявляют: «Тебе — нет, иди к начальнику». Иду. Сначала приходило по три, пять писем. Он прочтёт все и отдаст.

Несколько месяцев каждый день вызывал, вопросы задавал. Не по письмам. Просто хотел поговорить. Он сам из старообрядцев. Отец его и семья верующие, принадлежали к течению в православии, которое не приняло реформы Петра I. Он хорошо знал Писание и вопросы задавал по Писанию. Так со мной знакомился, какая я верующая. Прочитывает какой-нибудь стих из Библии или Евангелия и, не сводя с меня тягучего взгляда, спрашивал: «Как ты понимаешь? Что мне скажешь?» И тут же сам продолжал: «Я знаю что ты ответишь. Ты мне так ответишь...» — и стих из Писания приведёт. Такая работа у него была.

В зоне я познакомилась со спокойной интеллигентной женщиной. Ветврач. По национальности — татарка. Работала на свободе кассиром. Однажды получила зарплату для рабочих в конце смены. Решила сумку с деньгами взять домой.

Думала: так надёжней и удобней, — утром выдаст получку.

Пришла домой — холодно. Муж не протопил печь — лень и, как всегда, пьян. Она присела у печи. Разожгла. Сумку держала при себе. Он понял: неспроста жена не выпускает сумку из рук... То справа, то слева заходил и норовил схватить сумку.

Жена сидела на корточках и одно за другим клала в огонь поленья. Он зашёл со спины и наклонился всё-таки выхватить сумку. Жена, как держала в руках полено, так, не глядя, через плечо, замахнулась поленом и попала ему в висок!.. Он тут же упал... Она обернулась, а он уже мёртв... Ледяной холодок пробежал по спине... Получается, убила мужа... Хотя убийство явно неумышленное, но её осудили.

В зоне она работала в кладовой. Бесхитростная. Пользуясь её доверчивостью, пронырливые и ловкие на мошенничество воровайки унесли со склада много эковских сапог, фуфаяк, спецовок. Одна отвлекала разговорами, а другая — "на сухом берегу рыбу ловила". Много похитили.

Долго возмещая убытки, она оставалась без возможности отовариться в лагерном ларьке. На пустой баланде, без сладкого, ослабела так, что, падая в обморок, сломала ногу.

Когда я вернулась из больницы, мы работали вместе в швейном цехе. Повинуясь внутреннему побуждению, я угостила её конфетой.

— Как ты поняла, что я нуждаюсь именно в сладком? — удивилась она и рассказала свою печальную историю.

— Хорошо, будет отоварка, я с тобой поделюсь.

И исполнила: угощала маргарином, конфетами. Она — счастлива, и я — не меньше радовалась.

— Если я когда-то буду веровать, — в порыве благодарности обещала она, — то только твоему Богу! Освобожусь, я тебя найду и обязательно рассчитаюсь!

— Этого как раз делать и не стоит. Бога поблагодари и душу свою покаянием перед Ним очисти...

Ээчки, наблюдали за мной. Оказывается, я очень рисковала, забоясь о татарке. «Женщины могли тебя основательно

побить. Она — новенькая, не положено их баловать. Делись со старыми — это закон зоны...»

Об этом я не знала. Для меня все осуждённые одинаковы, любому в нужде нужно помогать. Господь защитил меня, всё обошлось хорошо.

Библия в зоне

Зона в посёлке Восточном — сельскохозяйственная. Работали мы в свинарнике, пропалывали капусту, сено убирали, перебирали картофель в хранилищах, вагоны разгружали, заготавливали дрова.

Совхоз с удовольствием использовал бесплатный труд заключённых и стал миллионером. Начальник зоны иронизировал: «Три эчки трактор заменяют!...»

Бригадиром над нами поставили женщину (сидела за растрату).

Однажды привезли нас (две бригады) в деревню помогать вольным пенсионеркам. Они тут же осведомились: «Нам сказали, что среди вас есть верующая...»

Смотрю, эчки засуетились. Одна осмотрелась: нет ли поблизости надзирателей, задела, как будто случайно, меня плечом и пошла. Значит, мне нужно идти за ней.

— Я уйду, — на ходу предупредила я бригадира. (Она меня уважала как верующую.)

— Иди. Разговаривай, да только знай меру. Я понаблюдаю за надзором.

А сама тут же принялась отвлекать их пустопорожними разговорами.

Заключённая привела к овощехранилищу, где деревенские старушки готовили картофель к посадке.

«Ты её знаешь?» — указав на меня, спросила она одну из них.

Я улыбнулась. Старушка мне в ответ. Мы поприветствовались. Беседовали. Сколько радости от общения со святыми! Сестра успела сунуть мне в карман шоколадку, булочку, пачку печенья.

— Что тебе нужно? Я принесу... — предложила с большим расположением.

— Библию.

— Хорошо! — а у самой бездонное море доброты в глазах.

На второй день я ждала Библию, а бабушки нет. Стою печальная. Вдруг зэчка осторожно дёрнула меня за рукав и кивком головы указала на ворота. Значит, меня позвали. Подошла к воротам, а там — другая старушка.

«Твоя знакомая попросила меня передать тебе Библию».

Радость-то какая! Неверующая соседка согласилась! Пошла на риск!

Вот она драгоценная чаша холодной воды!

Отдала Библию, а сама ликует! Навсегда запомнила её быстро удаляющуюся фигуру...

Библию я мигом спрятала в большой карман фуфайки. (Большие карманы шьют специально, и тапки в них помещаются.) Получила ещё в придачу шоколадку. Поделилась с женщиной, которая привела к воротам, и с бригадиром. Это лакомство всё сразу съели. В зону ничего не возмёшь, на выходе при обыске отнимут.

«Господи, помоги Библию пронести...» Иду. Навстречу бригадир. Распахнула фуфайку, показала ей Библию.

(Ещё раньше я предупредила: «Библию ведь заказала...» — «Правильно! Молодец!» — обрадованная, очень добро улыбнулась.)

Моментально из моего кармана Книга незаметно перекочевала в её. Решительная женщина. Находчивая. Не растеряется.

Как бригадир она имеет при себе специальную тетрадку со списком рабочих, большие рукавицы без подкладки — голицы. Смотрю, она вложила Библию в тетрадку, а сверху тетрадки рукавицы уложила. И пошла танком прямо на надзирателей. Пóлы фуфайки широко распахнула, руки в стороны развела, голос железный:

— Давай, обыскивай!

— Иди отсюда! — надзирательница с такой силой толкнула её через проходную, что она чуть не упала.

Бригадир намеренно вела себя так. Она как бы психологически действовала. Да и сама по себе была женщина грубая. И вот таким неудержимым напором и тяжёлым едким укором: «Обыскивай!» она как бы морально унизила надзирательницу, и та не стерпела, поддалась на уловку: «Иди отсюда!»

А на руки-то не глянула, что в одной — Библия!

Как же бригадир радовалась: «Я же тебе говорила, что им, с нечистыми руками, нельзя дотрагиваться к святой Библии! Бог не разрешает. Я в этом убедилась».

Как-то она взяла Библию в цех и положила в выдвижной ящик своего стола, где у неё обычно лежали списки рабочих, рукавицы и прочее. Нагрянули с проверкой.

Она вспоминала: «Вижу, идут! Сейчас найдут Библию, и всё... Сердце опустилось. Смотрю, в дверях появился начальник отряда. Я к нему: «У меня в ящике стола Библия!» Он зло сверкнул глазами, стиснул зубы. Если бы у него была возможность, он так бы ударил, что я с одного маху, наверное, вошла бы в землю...»

И поторопился к столу.

— Что вы тут ищете? — сдерживаясь, как можно спокойнее, спросил.

— Да, вот проверить надо...

— Я сам это сделаю. (Они не успели ещё ящик открыть.)

Надзиратели ушли, он положил Библию в карман, и в ярости обрушился:

— Ты думала, что делала?! Я так и знал, что ты связалась с этой Юдинцевой! Это тебе даром не пройдёт! Уж если увлеклась, приходи в мой кабинет и читай. Предупреждаю, чтобы в секции Библии никогда не было!

Бригадир брала Библию на свидание и показывала детям и своей маме. По тем временам Библия была редчайшим сокровищем.

Позже она похвалилась: «На свидание я приходила и ухо-

дила с Библией. Обыски устраивали, но Бог не допустил изъять эту Книгу. Знаешь, я почувствовала, что не смогу дальше хранить её и отправила домой».

Спортсменка

Благодарю Бога за возможность свидетельствовать о Нём разным людям и в тюрьме Днепропетровска, и здесь, в зоне. Женщина закончила два института и у себя на заводе для какого-то технического процесса организовала лабораторию. Денег на строительство не давали. Она кооперировала с другими предприятиями. «Ты мне — жести, я тебе — цемент». Словом, товарообмен без денежного платежа. Умная женщина.

В их коллективе работал весьма завистливый мужчина. «Как это? Женщина будет руководить лабораторией, а он что — никто?!» И решил от неё избавиться. Вызвал комиссию, и та направила ходатайство возбудить уголовное дело: «все материалы приобретены нечестным путём». У женщины действительно ни на один материал не было ни квитанций, ни чеков. Её осудили на восемь лет!

Она — мастер спорта по лёгкой атлетике. Ей разрешили держать при себе гантели — каждое утро она занималась, чтобы быть в форме. Гордая, стройная. Знала себе цену.

Лёжа на верхних нарах, я увидела, что она читает журнал «Наука и религия» и мне захотелось с ней познакомиться.

В один из дней спортсменка зашла в цех, где я собирала электрошнуры, и решительно направилась в мою сторону. Схватила меня за рукава и, молча, как боксёр, стала раскачивать из стороны в сторону. Я тоже взялась за оба её рукава и вместе с ней двигалась туда и сюда. Об печку с ней ударились. Столы задвигались. Все наблюдали за молчаливой борьбой. Господь мне помог. Ей не удалось меня кинуть. Под конец рука у меня сорвалась и я случайно её ущипнула.

«Ах! Ты ещё щиплешься! — возмутилась она, отпустив

меня. — Таких, как ты, я одной левой сшибала с ног! А ты ещё бо-решься!»

С тех пор она стала меня замечать.

«Больная! Пойдём на обед!». (Я только из больницы вернулась.)

После обеда уходили за цех. Она рассти-лала фуфайку на траву:

— Тебе нужно от-дыхать, — заботливо произносила, а сама предлагала вопрос за вопросом и всё о ре-лигии.

— Религия это — тьма. У вас телевизор нельзя смотреть, радио нельзя слушать.

— Как нельзя? Можно. В Евангелии написано: «Всё мне по-зволительно, но не всё полезно». Что идёт впрок, на добро, тем я пользуюсь, а от вредоносного и ты отворачиваешься.

— Хорошо написано. Но вам на танцы ходить нельзя.

— Написано: «Худые сообщества развращают добрые нравы». Я общаюсь с теми, кто не расшатывает мои добрые устремления к чистому и святому.

— И, правда, хорошо! Но вы — фанатики, — так пишут о вас в журнале «Наука и религия».

— В Библии о нас сказано: «Мы безумны Христа ради». Ради веры во Христа мы действительно безумны для грехов-ных дел, потому ради Христа и страдаем, и терпим. Учение Иисуса Христа — свет для нормальной человеческой жизни.

— И правда, свет, а я думала, тьма.

Так каждый день после обеда мы беседовали, забыв

Встреча печатниц

из уз в Ленинградской церкви. 1983 г.

о времени. Нас даже искали: «Так вот они где! Давно работать пора!»

Пришло время моего освобождения. Она горевала:

— Пойду к начальству и попрошу, чтобы тебя не освободили. Единственный человек, с кем можно поговорить, и уходит... С кем я останусь?

Помолчала и продолжила: «Жалко тебя. Здоровье у тебя неважное. Лучше иди домой. А я уж как-нибудь...»

Дала мне домашний адрес. Искала я её в Свердловске, но никто не открыл дверь.

«Ну, пусть!»

По освобождении возникли проблемы с пропиской. В прежние годы отбывших срок заключения не прописывали в больших городах даже к семье. На 100-й километр отправляли.

От сестёр Тамары Быстровой и Любы Косачевич для прописки потребовали собрать ряд справок: согласие родителей,

соседей, уличного комитета, с производства (примут ли на работу?), из отделения милиции. Они помоложе — выбегали, вытерпели унижительные допросы, а я настолько была ослаблена больницей, что не вынесла бы этой бу-мажной волокиты.

Перед уходом на служение мне дали комнату. По жестоким законам

Встреча Тамары Быстровой.
г. Челябинск, 1983 г.

тех лет жилплощадь заключённого через шесть месяцев после ареста возвращается государству. Человек оказывался выброшенным на улицу. Лишили комнаты и меня.

Нина, моя сестра, узнав об аресте печатной точки, позаботилась и опередила следователя: унесла из моей комнаты (у неё были ключи) всё, что могло послужить дополнительными уликами. Пришли туда с обыском, да поздно. Ничего не нашли. Зато уходя, заменили замок — больше в квартиру не войдёшь.

Оформляя документы на освобождение, непременно уточняют: «По какому адресу будешь проживать?» Указала адрес сестры в Горьком, где к тому времени были прописаны родители.

Мы с отцом направились в отделение милиции. Он взял домовую книгу, мой паспорт и вошёл в кабинет начальника паспортного стола. Я осталась ждать в коридоре. Долго они беседовали. Вышел отец с разрешением на прописку.

Дома расспросила:

— Как же так удачно всё устроилось?

— Начальник листал, листал домовую книгу, а потом вопросительно посмотрел на меня:

«Слушай, отец, так она же по этому адресу никогда не была прописана! Она никогда тут не жила!»

"Но это же моя родная дочь! Может, она и не была прописана, но она жила тут. Это же дочь моя!" — в простоте сердечной убеждал отец незнакомого человека.

(Да, я приходила к отцу и матери.)

«Это же дочь моя!» — эти слова для администрации паспортного стола не обозначают ровным счётом ничего, но начальник милиции, глядя на добродушного отца, снисходительно махнул рукой:

«Ну, пусть!» — и дал разрешение на прописку.

Я восприняла эту милость Божью, как чудо из чудес! Без всякой волокиты, без никаких унижительных условий, одним днём меня прописали! Я благодарила Бога, и на счету у начальника появилось доброе дело, о котором он никогда не пожалеет.

Стоило страдать!

Как только освободилась, брат мой, Василий, пригласил продолжить нелегальное служение, но в Совете родственников узников.

Время было ещё советское. Как бывшей заключённой мне непременно нужно устроиться на работу. Поступила, никого не уведомив.

Вызвал участковый и, загибая пальцы, принялся считать:

— Шесть месяцев прошло! Мы имеем право судить тебя за тунеядство!

— Я работаю.

— Не верю. Принеси характеристику и справку с работы.

Три года отработала и в 1987 году по состоянию здоровья рассчиталась. Получилось вовремя: арестовали Василия за ра-

боту в Совете родственников узников. Он отбывал срок в Бурятии. Я поехала помогать его семье.

В 1988 году пригласили потрудиться в Отделе заступничества на немецкой печатной односторонней машине. Благословенная работа — печатать правдивую информацию о гонимых за веру! Чувствовала себя в едином ломимом Теле Иисуса Христа — Его возлюбленной Церкви.

Наконец пришло время исполниться пророческим словам Писания: «Северу скажу: отдай; и югу: не удерживай...» (Ис. 43, 6) и узники за имя Христа вышли на свободу! Не отдыхать, конечно, а проповедовать Евангелие грешникам. В благовестии участвовала и я по милости Божьей. Душа торжествовала: стоило страдать за эту драгоценную возможность возвещать слово спасения родному народу.

Года четыре трудилась в детских христианских лагерях. Вела кружок переплётчиков. А научилась я этому благословенному ремеслу по побуждению от Господа, никто не учил. Разобрала старую Библию. Внимательно исследовала все процессы. Бог послал разумение научиться переплетать и других научить.

Группа благовествующих в с. Тоншаево, 2002 г.
(Галина Ивановна Юдинцева стоит во втором ряду четвёртая слева)

Послушание Богу — потребность души*

И вот я снова среди родных и друзей! Вспоминаются слова псалмопевца: «К святым, которые на земле, и к дивным Твоим — к ним все желание мое» (Пс. 15, 3). В тюрьме и лагере — особая тяга к святому.

Арест для меня не был неожиданным, пришел он как само собой разумеющееся. Исполнилось, видимо, время и пришел тот час, когда повели туда, куда совсем не хотелось, потому что:

«Я жить люблю с друзьями на свободе!
Я — человек, мне трудно в клетке жить...»

Но когда встал вопрос идти в узы или нет, то о своем решении скажу словами этого же стихотворения:

«Но лучше мне совсем не видеть воли,
Чем, испугавшись этой трудной доли,
Христа святому делу изменить!»

Не считите это за желание похвалиться, нет. В тот момент послушание воле Божьей было потребностью души. Я оказалась в условиях, в которых для моей души не было ни одной спелой ягоды, но одна горечь от незрелого, порочного, пораженного грехом сердца чело-

* Статья из журнала «Вестник истины», № 4, 1983 г.

веческого, где слишком большой контраст между грехом и праведностью. И все-таки душа не захотела поступить иначе, как последовать за Господом. Тогда начался путь борьбы. Борьбы за сохранение души в чистоте, за верность, за единство с гонимой церковью.

Должна сказать, что в этой борьбе я сохранилась милостью Божьей и по молитвам народа Его. Насколько остра эта борьба, можно судить хотя бы потому, что в первые месяцы заключения Слово святое не приходило на память, а только гимны, которые я списывала в тетрадь. Ими утешался мой дух.

«Ты, наверное, не первый раз здесь, что так спокойно себя ведешь?» — заметили заключенные.

Но, Бог свидетель, была я в сильной немощи, в переживаниях: было очень жаль изъятого технического оборудования нашей типографской точки. Все приспособления были сделаны заботливыми руками горячо любящих Господа друзей и принадлежали церкви, а не гонителям. Добровольно расстаться с этой святыней невозможно, ее можно отнять только силой, оторвать с болью, причинив тяжкие страдания душе.

Арестовали нас четверых, и, разводя по камерам, надзиратель обратил внимание, что мы, входя в камеры, преклоняли колени и молились.

— У вас, что, так принято: обязательно молиться, когда попадаешь в тюрьму? — спросил он у меня.

— Почему «принято»? Мы молимся на всяком месте, во всякое время, при любых обстоятельствах. Ну, а здесь тем более нужно! — объяснила я.

В камере, куда меня ввели, полутемно, холодно и грустно. Я помолилась и предала Господу свой путь. Там пробыла трое суток, после чего стали оформлять в следственный изолятор. И здесь произошла неожиданная минутная

встреча с друзьями в коридоре. Это было, поистине, что-то превосходящее разумение! Видимо, только в разлуке душа способна оценить и любовь, и общение.

И вот я оказалась в настоящей тюрьме с ее непривычными условиями жизни. Но «блажен человек, которого сила в Тебе, и у которого в сердце стези направлены к Тебе. Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением» (Пс. 83, 6—7). Встретили меня в камере неплохо. Я сказала, что верующая и хочу помолиться Богу. Нашелся уголок, и я склонилась на колени. С тех пор это место стало считаться моим. Никто не препятствовал этому. Утром старалась подниматься пораньше, до подъема, чтобы в тишине рассказать всякую нужду Отцу Небесному.

Следствие длилось семь месяцев. Интересовались многим: как мы оказались в Днепропетровске, как удалось завезти оборудование, так что никто из соседей не видел; на чьи средства жили и работали; кто производит набор текста, редактирование и осуществляет руководство работой издательства; где доставали химреактивы. На вопросы не стала отвечать. Все, что печатали, было мило и дорого сердцу, было тайной души и церкви. И рассказывать все это отвергающим Бога — значит предавать святое дело Божье.

Обвиняли во всем, конечно, братьев Совета церквей. Нас называли «послушными руками», выполняющими волю старших. Очень хотелось сказать им, что как бы нас ни называли, но делали мы все добровольно и с радостью, из любви к Господу и Его возлюбленной Церкви.

Кончилась зима, наступила весна. Солнце стало заглядывать сквозь решетки, принося много радости, света и тепла. На окне зазеленел лук, хотя и не положено ему было радовать наш взор. Я вырастила его, посто-

янно смачивая водой кусочек ткани. Глаза уставали от серой однообразной жизни, сердце тосковало по всему прекрасному и чистому. Я с жадностью рассматривала каждую былинку, первые зеленые листочки на деревьях, прилетевших птиц, — все стало предметом радости и восхищения.

Следствие подходило к концу. Материалы дела вместились в пять толстых томов. Но самое интересное, что в этих объемистых папках можно было встретить дорогие «Братские листки», служащие вещественным доказательством нашей «вины». Они стали как бы связью с гонимой церковью. Взглянув на них, я почувствовала себя в этом едином Теле Христа.

Приближался день суда, а вместе с ним усиливалось и волнение: как и что сказать? Но Бог не оставил в этой нужде. Исполнились Его слова: «...и поведут пред царей и правителей за имя Мое... итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать; ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все противящиеся вам» (Лук. 21, 12—15).

«Я дам вам уста...» Мое сердечное внимание Господь обратил на эти слова. Я стала молиться о том, чтобы получить эту премудрость, и благодарение Господу, Он услышал и ответил.

8 августа получила обвинительное заключение и три дня перечитывала его, пытаясь понять в чем же нас обвиняют. Не буду останавливаться на обвинениях, потому что вы уже слышали их. На четвертый день Господь утешил мой дух и успокоил. Я с радостью приняла определенное Богом.

18 августа начался суд и продолжался пять дней. Очень хотелось увидеть родных в зале. Это желание я приносила к Богу в молитве. Волнения не были напрасны, потому

что день суда от родных скрывали. Для друзей же вообще не оказалось места в зале, и они с утра до вечера стояли на улице: встречали и провожали машину, в которой нас привозили на суд.

Кончился суд поздно вечером, и мы, уставшие, но счастливые, возвращались в камеры. Исполнилось наше общее желание: все мы получили одинаковый срок лишения свободы. И еще одно желание исполнилось: нас, трех сестер, поместили в отдельную камеру (чтобы не было влияния на других! А то вдруг, — говорят, — все молиться начнут!). Выходит, уж лучше пусть пьяницы, убийцы, воры останутся такими же, только бы не стали молиться.

А для нас настали благословенные дни. Удалилась горечь разлуки, наступили радостные минуты общения. Вместе мы пробыли с 22 августа по 8 ноября. Сначала уехала на зону Тамара Быстрова, а затем мы с Любой Косачевич. И снова тяжесть разлуки, которую не передать словами. На зону (в Свердловскую область) меня везли 25 дней. Люба вышла раньше, в Чувашию поехала. С тоской мы смотрели ей вслед, через окно, конечно.

Открывался новый путь следования за Господом, и каким он будет, я не знала. В зоне, куда прибыла, верующих до меня не было. Заключение с интересом расспрашивали обо всем. Начальство встретило с присущей строгостью, «исправляли» трудом одинаково со всеми.

Зона, конечно, не тюрьма: большие окна, запоров нет, передвигаться можно уже не шагами, а десятками метров; цветы на окнах и — работа (в тюрьме сильно тяготило безделье). Для плоти наступило более благоприятное время, но для души и духа — новые испытания, теснота. Окружало много скверных, нечистых людей. Взаимоотношения таких людей наводили ужас,

язык их — убийственная стрела. И стрелы эти летели со всех сторон целый день, поражая все живое, святое и чистое. «Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне; спаси меня» (Ис. 38, 14). И Господь избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения.

Через ходатайственные молитвы народа Божьего Бог укреплял душу мою. Первые дни мне было очень трудно установить молитвенное общение с Господом. Казалось, что молитвы мои не доходят до неба, теряются среди шума и сквернословия, и только потом я почувствовала, что Бог слышит меня и отвечает. Бог отвечал даже тогда, когда не было еще слов на языке моем. Я научилась беседовать с Ним во всякое время. Только непрестанное общение с Богом сохраняло душу мою от осквернения. Людям не вверяла себя, по примеру Христа, старалась сохранять себя в свободе и не быть зависимой от человека.

Дорогие весточки от родных и друзей радовали и утешали, вселяли в душу бодрость. Очень приятно и дорого сердцу было получать весточки от друзей за пределами страны.

Когда привыкла к новым условиям, немного окрепла духовно и душа напиталась духовным хлебом, — тогда стала раздавать его. А сразу как-то не получалось это делать. В неволе, во-первых, особенно ощущается недостаток духовного хлеба, а, во-вторых, во мне обострилась какая-то ревность по всему святому и духовный хлеб стал таким драгоценным, что не открывалась душа давать его нечистым людям: не примут, потопчут, обесценят. И только после молитвы, когда Господь Сам приготавливал сердечную почву заключенных, когда видела непод-

дельную жажду, тогда сеяла Его святое Слово.

Со временем люди уже не казались такими страшными, в них стала просматриваться душа. Если к ним с уважением относишься, они отвечают тем же, и верны слова: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Там особенно это заметно. Ответ на всякое слово, поступок, дело получаешь сразу, и такой, какой заслуживаешь, не прикрытый лицемерным уважением и приличием, — этого там нет. Вот уж, действительно, где нужно быть медленным на слова! (Все это в том случае, если нет вмешательства извне и администрация не настраивает заключенных против верующих.) На добро реагируют лучше. Правда, часто с недоверием, потому что много лживых, лукавых и хитрых, которые уловляют простодушных и неопытных. В этих условиях особенно нужно слово истины и помазание от Духа Святого, которое разъясняет, предостерегает, предупреждает и советует, как нужно поступать среди этих испорченных грехом и праздностью людей.

В тюрьмах и лагерях можно увидеть зло и пороки человеческие во всем их многоликом безобразии. При виде такой крайней испорченности и безнадежности у меня появилось еще большее желание служить Богу, познавать Его, исполнять Его заповеди и повеления. Вот я и познала на себе справедливость слов Христа, что «любящим Бога все содействует ко благу!»

Глядя на пройденный путь, хочется сказать: «Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания» (Пс. 93, 17). «Потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова» (2 Кор. 12, 9).

Г. И. ЮДИНЦЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

Дом в деревне	3
Воспоминания о далёком детстве	4
Зарегистрированная церковь	5
Несмелое сердце	6
Молодёжная жизнь	8
Не подражать миру!	9
Испытания не обошли меня стороной	10
Начало пробуждения	10
Неповторимое событие	12
С Господом всегда прекрасно!	13
Золотая комната	14
Удобная работа	15
«Господи, пригласи меня...»	15
Бог призывает нужных людей	17
Экстремальные условия	18
Таинственно и интересно	20
Самонаклад	21
Очень интересная работа	22
Он сделал, что мог	24
Памятное богослужение	26
Основательная облава	28
Под прицельной слезкой	30
Неудобный попутчик	35
На пороховой бочке	36
Пути Господни неисповедимы	39
Забыли дать отбой	43
«Журнал — лицо братства»	45

Это забыть невозможно	46
Хорошо слушать голос Божий	48
Не к тем людям попали	48
Предчувствие ареста	50
Первый допрос	56
У прокурора	57
«Паровоз»	58
В тюремной камере	58
Заядлая курильщица	60
На безнадежных влиять надо	61
Тюремная почта	62
Евангелие уцелело!	63
Межкамерные почтальоны	64
Прокурорский ребус	65
Судебный процесс	66
Рядом не поставишь	75
Коварство гонителей	76
Три желания	77
Это — не моё	78
Тоска по работе	78
Изнурительные этапы	79
Душегубка, а не душ	81
Жизнь в зоне	82
«Ну и цепкая же ты!»	85
Милиционеру понравился дом	86
В больнице Нижнего Тагила	86
Вновь больница	88
Тягостная экскурсия по психбольнице	91
Жизнь продолжается	92
Библия в зоне	94
Спортсменка	97
«Ну, пусть!»	99
Стоило страдать!	101
Послушание Богу — потребность души.....	103

